

ОЛЬГА ЗВЕРЕВА

ТАМ,
ГДЕ КРУЖАТ
АСПИДЫ

Ольга Зверева

Там, где кружат аспиды

«Литнет»

2024

Зверева О.

Там, где кружат аспиды / О. Зверева — «Литнет», 2024

Призер конкурса «Зов предков» от литературной платформы «Литнет». Берегиня Лёля живёт в мире, где нет боли, но нет и памяти. Узнав, что отец стёр из её жизни друга детства, она бежит из Прави в Явь, спускается в Навь и вступает в битву за три мира. В её команде: бог ветра, беглая русалка и говорящий грач. Против неё: древний змей, проклятие рода и собственный страх. А в центре всего — любовь, которую не стирают даже тысячелетия. Славянское фэнтези, где мифы оживают, а сердца бьются громче проклятий. Эпиграф: «Новый хлеб», Павел Кашин.

© Зверева О., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Глава 1

«Я слышал песни о войне

И сказки о любви,

Где мир горел, горел в огне,

А потонул в крови.

Там пелось также, что земля

Родит нам новый хлеб,

Что снова реки и поля

Заблещут по земле.

Только нам непременно нужно верить,

Не нужно врать себе и лицемерить.

Ночь всего темнее

Пред рассветом».

На тёмно-синем небе не было ничего, кроме ярких стекляшек звёзд. Красивое зрелище. Но Лёля разучилась ценить его красоту. Когда живёшь под этим небом столько, сколько себя помнишь, начинаешь воспринимать его как самую привычную действительность. Хотя, казалось, ну сколько ей? Всего восемнадцать. Разве же это возраст!

Скользнув по синей пелене над головой кратким взглядом, Лёля продолжила бег. Она бежала меж толстых стволов сероватых деревьев с зеркальной листвой, мимо изящных лоз, плетущихся по жёсткой коре блестящей проволокой. То с одной стороны, то с другой слышался смех, мелькали счастливые лица Лёлиных подруг. Девушки мчались наперегонки по густой траве, аукаясь и задорно перекликаясь на ходу.

— Эй, Лёля, догоняй! Замечталась али поддаться нам сегодня решила? Ух, Прасковья тебя обойдёт! — звонко расхохоталась пробегающая мимо прелестница с вьющимися волосами до пояса, в платье длинном, светлом, подолом достающем почти до нехоженой травы.

Вняв поддразниванию подружки, Лёля прибавила шаг и теперь мчалась, касаясь земли лишь самыми мысочками. Вот бы ей ещё и крылья, как братцу Перуну, метателю молний! Ух, она бы тогда каждую слишком уж быструю зубоскалку обошла! А то ещё и молнией добавила бы, чтобы над ней, дочерью господина здешнего, не смеялись!

Впрочем, устыдившись собственных мыслей, Лёля остановилась. Она загляделась на белые фигурки в длинных платьях, что по одной исчезали вдаль среди деревьев маменькиного сада. Весёлые, смешливые, ни одного бога без улыбки и ласкового взгляда не оставят. Лёля знала, что девицы-подруги, парни-прислужники в главных палатах, даже старая нянюшка, чьё лицо покрывала морщинистая паутина, а глаза сияли под светом звёзд как у отроковицы — все они родились людьми в нижнем мире, в Яви. В награду за благочестие и доброту открыл им Род после смерти путь к Праву, заповедал служить живущим здесь богам. Богам, сотворённым Родом из высших душ, обитающих с ним над самыми дальними звёздами.

Раздалось мягкое мурлыканье, и из-за ствола дерева появилась пушистая белая кошка с серебряными пятнами. Каждое круглое пятнышко на белой шёрстке блестело как монетка и переливалось на свету, пока зверёк вальяжно потягивался. Не первый раз Лёля кошку эту встречала, они были давними знакомыми. Приходила кошка к её порогу частенько, ласку выпрашивала или пирожка кусочек, а Лёля и не отказывала. Она присела на колени и потянулась к кошачьему ушку. Кошка благодарно заурчала и зажмурилась, разомлев. От нечего делать Лёля снова посмотрела на небо.

Когда-то и она была там, с Родом, летала в пустоте, как рассказывала матушка. А затем воля Создателя увлекла её к Праву. Взял Род Великий душу её в кулачок, дыхнул — и появилась новая богиня, чтобы на людские молитвы отвечать. Хоть и верила Лёля рассказам этим, да не всё понять могла. Она понимала, почему людям так любы её батюшка бог-силач Сварог, матушка Лада — семейного очага хранительница, молодые да весёлые братья Лёлъ и Полёлъ. Но зачем кому-то возносить молитвы Чернобогу — властителю Нави, царства, где смертные обретают последний приют? Или Мокоши — ткачихе людских судеб, обрывающей нити жизней по своей прихоти? А старику Велесу, что души человеческие в Навь пустынную на лодке своей перевозит по реке, воды которой самого чёрного цвета чернее? Ух, жутко стало, стоило лишь подумать о них.

Она рассеянно провела рукой по шелковистой шерсти, мягкой и будто бы слегка прохладной под пальцами. Приятное ощущение. Лёля медленно поглаживала кошку вдоль спины, размышляя о загадочной Нави. Если подумать, и её собственная жизнь однажды оборваться может. Бывало такое, и не раз, чтобы боги бессмертные гибли. Велика сила Мокоши! Уйдёт душа бога умершего снова к Роду и будет с ним беседы вести да мудрости набираться, пока тысяча лет в Яви не пройдёт. Интересно, многое ли видно оттуда, с небес? Не скучно ли там, в синеве этой бездонной?

Эх, пусть последняя прибежит сегодня, Род с ними, с догонялками этими. Не впервой ей подружек обходить, не впервой и в проигравших оставаться. Посидит она лучше здесь, комочек мурчащий обнимая, а догонялок было в её жизни — не счесть. В Праву тянулись дни плавно, неспешно, словно поток, бегущий у корней Царь-Древа; говорят, это вершина самого Древа Мироздания, где в кроне растут волшебные растения, отражающие звёздный свет, где, не зная усталости и горя, живут верховные боги, где живёт и Лёля в высоком тереме со своей семьёй и душами верных ей помощников — почивших людей, нет-нет, да и вспоминающих о жизни в далёкой Яви.

Ох, как же любила Лёля слушать такие рассказы от старой нянюшки! Ещё в сарафане детском ходила, а уже под песни земные засыпала, голосом тягучим, как патока, убаюканная. Под песни про то, что неведомо, но узнать жуть как хочется. Про то, как вкусна вода холодная в жаркий день. Про то, как пахнет яблоневый цвет да цветок, акацией называемый. Про то, что самая тёмная ночь бывает пред часом рассветным. И про то, как сердце ланью трепещет, когда взглядом с любимым встречаешься. Последнее маленькая Лёля не понимала, а теперь подросла, да забыть не смогла: больно уж красиво сравнение с ланью слух ласкало, и сладкое что-то было в самих этих словах, будто мёд на устах... Но никому Лёля про мысли свои не рассказывала — боялась засмеют.

Лишь однажды доверилась Лёля в своей наивности Роду Великому — попросила послать ей сердце, ланью трепещущее, да только мать услышала и пристыдила. Негоже, мол, самого Рода по такой ерунде беспокоить. Не для того создана, чтобы мысли глупые в голову пустую вбирать. Честь Лёле великая выпала, ей одной только дозволено склонять колени у Царь-Древа и повторять заученный с молодых лет обряд — просить мудрости для Праву, мира для Яви, спокойствия для тех, кто ушёл в Навь. Ну что за несправедливость — молить о милости для всех живущих, а о себе и словечка не замолвить?!

А как батюшка горд, что дочь его меньшая — Берегиня, заступница за род людской и род божеский! Не верила Лёля, что она особенная, что есть до неё дело Роду Великому, однако ради батюшкиной похвалы да матушкиного одобрения склоняла голову под огромным дубом, ветвями, казалось, достающим до самого неба, ради отца и матери шевелила губами, бормотала бесконечные молитвы, а в мыслях же забавы новые сочиняла и лоскутки подбирала куклам тряпичным на одёжку. Но хоть играть ей разрешали, а то совсем не жизнь, а тоска.

Подруги на ступенях терема встретили Лёлю весёлым улюлюканьем:

— Последняя, последняя! — дразнились они, с шутливыми улыбками подбирая подола длинных платьев, чтобы освободить Лёле место в центре. — Так и будешь в девках сидеть, всех женихов те, кто пошустрее, расхватают!

— Да больно нужны мне ваши женихи, — насупилась Лёля, присаживаясь на ступеньку лестницы из светлого дерева. — Вот выйду замуж и буду, как сестрица Жива, постоянно на сносях. А коли не на сносях, так с детьми малыми нянчиться. Кто же веселиться с вами станет, Нянюшка?

— Так на то Жива и богиня плодородия, — возразила сидящая рядом девушка с румяными щеками и вздёрнутым носиком, Благослава. В Яви Благослава вытащила младшего братишку из полыхающей избы, но сама угорела. Не дожив и до шестнадцати годов, своей самоотверженностью Благослава заслужила право стать одной из ближайших Лёлиных подружек. — А ты дурная такая, тебе Род детишек не подарит, пожалеет бедненьких. Сама ещё дитя!

— Ой, чего это я дурная? — Лёля лениво отмахнулась от единоголосного смеха подруг. — Неужто мне следует ходить нос повесив, словно лешачихе какой? Я хочу песни петь да хоро- воды водить. А батюшка вместо этого колени у Царь-Древа протирать заставляет! Почему Лёль и Полёль развлекаются, на дудочках играют весь день, а мне чуть только побегала, повеселилась — и снова молиться?

— Сколько ж ты веселиться будешь, егоза? Тебе уж восемнадцать лет стукнуло, совсем девка взрослая, — прозвучал позади скрипучий, но благожелательный голос. Нянюшка с большой плетеной чашей в руках осторожно спускалась по ступеням, задев по пути Лёлю широкой юбкой, подчёркивающей хрупкость её старческой фигурки. Маленькая была Нянюшка, сухонькая, будто статуэтка из сердцевины дерева вырезанная. — А братья твои не развлекаются. Они музыкой своей души людей соединяют. Взгрустнётся кому в одиночестве, и вдруг он будто мелодию флейты услышит, встрепенётся, потянет его сердечко куда-то, а там уже и судьба поджидает. А ты всё дудочки, дудочки... — Няня провела ладонью по волосам Благославы, тут же расплывшейся в довольной улыбке. — Проголодались, небось, набегавшись, красавицы мои?

На нижней ступени лестницы Нянюшка сняла с глубокой чашки белое полотенце, и густой запах свежее испечённой сдобы наполнил воздух. Лёля сглотнула, с наслаждением втягивая сладкий аромат. От удовольствия она даже глаза прикрыла на секунду, как кошка, которую давеча в саду гладила. Бедная Нянюшка считала, что не заслужила место в Прави, не сделала ничего особенного, разве что по совести жила, но Лёле казалось, Род вознёс её в Правь за заслуги в готовке. Воздушным сахарным булочкам старенькой няни суждено было стать кушаньем богов, а не кануть в забвение Нави.

— А помните, девоньки, как за Лёленьку нашу Кощей сватался? — Нянюшка обходила стайку девушек, начав с Лёли, как со своей любимицы, и каждая с нетерпением ждала очереди запустить руку в вожденную чашу.

— Не надо, Нянюшка, не начинай даже! — с набитым ртом взмолилась Лёля совершенно искренне. Не было в рассказе этом для неё ничего нового, лишь пугающие воспоминания. — Спой лучше что-нибудь! Или загадки позагадывай!

— А я бы послушала про Кощея, — нерешительно высказалась с верхней ступени Плеяна, самая пригожая из Лёлиных подруг. — Любопытно ведь, я тогда ещё в услужении у тебя не была.

Она озиралась в поисках поддержки, и вот уже другие девушки закивали головами в знак согласия.

Обречённо выдохнув, Лёля тоже кивнула, хоть и нехотя. Знала она, что рада будет Плеяна про сватовство её, пусть и неудачное, послушать да жизнь свою земную вспомнить.

Всех своих подруг Лёля любила, а о смерти Плеяны думала чаще всего. Красавица скончалась от болезни накануне назначенного дня свадьбы. Души она не чаяла в своём женихе, а когда того накрыла лихорадка, упростила Ладу Великую перевести его болезнь на себя. Лада, мать Лёли, противиться не стала, спасла парня, но взамен забрала душу юной невесты в Правь, даровав ей вечную жизнь и вечную молодость. Мокошь не обманешь, от смерти не убежишь, как в детских догонялках, своё она возьмёт, коли нить жизни уже перерезана.

— А как так вышло, что Лёля упустила своего суженого? — с любопытством поинтересовалась одна из девушек. — Иль увидел её да сам сбежал?

— Да кто сбежал бы от ягодки такой? Нет, несчастный Кощей разум из-за неё потерял. — Нянюшка придержала край тёмной узорчатой юбки, присаживаясь на высокую лавочку, которую девушки привыкли оставлять свободной для неё. Она поставила пустую чашку рядом, аккуратно сложила туда полотенце, а затем продолжила: — Да и сам он видом хорош был...

— Хорош?! — перебила Лёля, от возмущения поперхнувшись воздухом. Она резко присела, хотя до этого вольготно откинулась на колени Благославы, устроившейся ступенькой выше. — Выглянула я тогда из окошка, посмотрела на него. Хоть и за занавеской пряталась, а всё видела. Тощий, глазюки цвета невиданного омутом сверкают, волосы чёрные по спине лежат, точно змеи! И злым чем-то от него веет! Я даже из своей светлицы почувствовала: плохой он, Кощей, страшный, — с вызовом закончила она.

— Так может потому и страшный, что одиноко ему. Тоскует у себя в Нави, поди, из компании одни воины павшие, что после смерти покой не обрели, — пожала плечами старая няня. — Ну да не суть. Заявился, значит, к нам в один день Кощей, нарядный, причёсанный так, что волосья блестели аки листья с этого дерева. — Старушка кивнула в стороны ивы, зеркальными листиками тянувшейся к ближайшему пруду. — И сразу к Сварогу-батюшке на порог. Говорит, отдайте Лёлю за меня. Жизнь за неё положу, ни в чём горя знать не будет, да и к сестре поближе.

Вторая сестра Лёли, средняя дочь Сварога, Морена, уже давно жила в Нави. Лёля сестру почти не помнила, знала лишь, что батюшка выдал её за верховного бога Нави — Чернобога. О причинах такого брака Лёля всегда думала как о договорных — ну кому нужны междоусобицы между царством богов и царством умерших? Наверное, поэтому отец её за Кощея и не отдал. Не настолько знатен был жених её залётный, да и жертва добрым отношениям между Правью и Навью была уже принесена.

— И что дальше, Нянюшка, не томи, — сжала кулачки в нетерпении Плеяна.

— А дальше словно Перун-громовержец из Яви вернулся, — улыбнулась Нянюшка Лёле. Лёля улыбнулась в ответ этой нежной улыбке и морщинкам вокруг карих глаз. — Сварог наш батюшка только что молот свой кузнечный в горе-женишка не кинул. Уж так злился, так злился... Кричал, что ноги его дочери в Нави не будет, что долг её Роду молиться, а не во тьме прятаться, что юна она ещё и неопытна, а Кощей не тот, кому в Правь рады. Заступился за тебя отец, Лёленька, не отдал супостату тёмному.

— Ну а Кощей что? — Плеяна, заворожённая историей, подалась вперёд.

Да и глазки остальных девушек сверкали так, словно за ними жених явился, а не за младшей дочерью властителя Правь.

Лёля, смутившись, перевела взгляд на круги, бегущие по водной глади там, где её касались острые кончики листьев ивы. Конец она и так знала: Кощей ушёл, зарёкшись, что обязательно получит своё, да только Сварог-батюшка запечатал вход в Правь, и не стало с тех пор свободного прохода между тремя мирами. Лишь благословлённые Сварогом могли отыскать спрятанные врата, но тайну свою берегли, душами поклявшись перед Царь-Древом. Когда-то Лёля с подначки подруг заходила в запретный лес и пыталась найти выход, ибо где ему ещё быть, если не там, куда им и шагу сделать нельзя, но быстро сдалась, не найдя ничего интересного.

— Кощей-то? Ушёл. Грустный ушёл, понурый. — Уголки губ старой няни скорбно опустились. — Видно, сильно её любил, Берегинюшку нашу. Лёлюшку-то Сварог из горницы к жениху не выпустил, а мы все там были, при его позоре. Как сейчас помню, глаза Кощей от земли поднял и молвит: «Столько лет забыть её пытаюсь, а не могу». И вышел в Явь. А батюшка твой руки поднял да давай заговор читать, чтобы запереть врата. С тех пор открыть их лишь с его позволения можно.

Лёля выпрямилась и резко повернулась к няне. Она слышала эту историю и от няни, и от матушки, но сейчас поняла: кое-что в рассказе Нянюшки прозвучало впервые.

— Нянюшка, а почему же Кощей меня забыть не может? Мы же не видались ни разу. Я подглядела за ним тайком, а он меня где мог встретить? Разве не Морена ему меня сосватала? Вы же с матушкой говорили, что сестрице скучно в Нави стало, вот она ко мне жениха и подослала.

— А я разве не так сказала? — Старушка чинно поднялась с места, однако чашку из-под булочек подхватила излишне торопливо. — Стара я, много ли помню? Может, и не говаривал он такого, батюшка тебя, бестолковую, дальше Царь-Древа не отпускает, а то потеряешься ещё. Конечно, не встречал тебя Кощей. Язык мой без костей, запутался совсем.

— Как-то слишком уж уверенно он у тебя запутался, — недоверчиво пробормотала Лёля, разглядывая няню, чьи точёные ноздри раздувались шире и шире, а грудь под вязанной белой шалью тяжело вздымалась и опадала.

— Не буду больше с вами на крылечке сидеть и лясы точить! — После полуминуты тишины Нянюшка обиженно вскинула голову и зашагала к входу в терем. — И вообще, брысь работать, бездельницы. — Она несильно ударила полотенцем замечтавшуюся Благославу, и та возмущённо взвизгнула. — А ты, — уже на самом верху няня обернулась и старалась смотреть Лёле в глаза, но взгляд её сбивался, как бабочка, мечущаяся у оконца, — марш к Царь-Древу. Проси у Рода защиты, девочка моя, — голос Нянюшки смягчился, — и о рассказах старой няни не думай. Глупости это всё, старушечьи небылицы.

— Род Великий, Род Всемогущий, — Лёля читала молитву, усердно проговаривая каждое слово, — храни души, вызывающие к тебе. Храни отцов, храни матерей, храни детей малых, что под крыльями твоими покоятся...

Листья Царь-Древа, каждое размером с драгоценное хрустальное блюдо, колыхались над её головой, стоять на коленях было удобно, густая бело-серая трава покрывала землю, будто Род создал перед своим Древом мягкий ковёр для удобства молящегося.

— Даруй исцеление страждущим, встречу — тоскующим, мудрости — неразумным. Благослови живущих в Прави слуг твоих, твоих созданий, пребывающих с тобой выше звёзд, но однажды сошедших на крону Древа Мироздания по воле твоей. Ты, дающий жизнь каждому богу и каждому человеку, ты, забирающий её...

Молитва лилась легко, словно выученная песнь. Лёля не могла не думать: а слушает ли её Род? Зачем ему, такому мудрому и великому, эти её повторяющиеся изо дня в день речи? Совершенно одинаковые, неизменные, вложенные ей в голову отцом и матерью. Ей ведь чётко дали понять, что просить у Рода что-то для себя неправильно, недостойно Берегини. Однако...

Отчего же так на душе беспокойно? Что же словно изнутри распирает, вырваться грозит? Неужто слова Нянюшки разволновали так? Или скрывалось за ними что-то большее, то, что на языке крутится, будто слово позабытое, да на ум не идёт?

— Род Всесильный, Род Всемогущий, излей мудрость свою, благость свою, свет свой... — Лёля чеканила молитву, сражаясь с собой. И она проиграла. — Род Великий... — впервые Лёля запнулась, подбирая слова, — не оставь. Прости за то, что о себе сейчас прошу. Если не случайно Нянюшка оговорилась, помоги правду узнать. Дай знак, что слышишь молитвы мои, что видишь меня...

Но не было ответа от Создателя. Тишина, и только едва слышно звенели на древе хрустальные листья. И непривычно зябко стало то ли от звона этого, то ли от ветра холодного, пригибающего мягкую траву.

— А я свою назову Цветава!

— Цветава? Вот же имя глупое, будто у девицы пустоголовой, что о цветочках да цацках думает! Любомира — иное дело! Царское имя, знатное, не каждой положено! Да я бы...

— Нет, девочки, не понимаете вы! Не бывает имени краше Лады, как у матушки вселюбящей нашей! Лишь произнесёшь его, и на душе так тепло становится, так сладко!

— Да кто же куклу именем самой матушки называет?! Ух, узнает она, ух, разозлится!

Лёля слушала перебранку подруг, не сдерживая улыбки. Пусть имя придумывают, пусть стараются, только всяк знает, что не имя обережную куколку красит, а наряд её. Вот сейчас она крепко-накрепко ниткой голову куколке своей обмотает, чтобы не болталась, как у пугала вороньего, а там останется только руки лоскутками набить да платье смастерить покрасивее. Ой, как же ладно получается, как хорошо! Что бы ещё придумать, чем создание своё порадовать? Может, веночек из белых трав на голову? Или бусы из ягод, как роса, прозрачных, что в саду растут, на шею тряпичную повязать?

— А я свою Лёлька назову! Вон какие у неё волосы длинные и белые! Точь-в-точь Лёлька наша!

Благослава подняла над столом свою куклу, и Лёля фыркнула. Тряпочек Благослава на набивку не пожалела. Кукла выглядела так, будто не просто на сносях, а ещё и беременна двумя дитятками, не меньше. А волосы и правда удались на диво, густые, гладкие, один белый нитяный волосок к одному! Лёля даже позавидовала, глядя на плешивую макушку своей куколочки. Косыночку бы ей, что ли...

— Ты так, Благослава, нас совсем без ткани оставишь! На куклянку свою всё потратила, а мне и косынку сшить не из чего.

Лёля перебирала оставшиеся на столе лоскутки, но ни один ей не понравился. Скучные все, серые или белые, да на ощупь как лён. Хотя бы вышивки кусочек или нити золотой...

— Так а вот тебе чем не косынка? — ухватила Благослава треугольный лоскуток с расстрёпанным краем.

— Не люб он мне. — Лёля скривилась, разглядывая протянутый кусок ткани. — У меня из такой уже передник сшит.

— Хочешь, свой тебе отдам, подруженька? — Ласковая Негомила, русыми волосами и большими светло-ореховыми глазами напоминающая юного оленёнка, показала Лёле крошечный отрез нежно-серого цвета, бликующий на свету серебристыми искрами. — Возьми, мне для тебя не жалко.

— Да что ты, не могу я красоту такую у тебя забирать! — Хотя блестящий лоскут очень приглянулся Лёле, она и помыслить не могла испортить работу Негомилы, которая уже почти закончила свой оберег и, должно быть, хранила красивую ткань для последнего штриха в его убранстве. — А где ты разжилась таким богатством, если не секрет?

— Нет у меня от вас секретов, девицы мои дорогие! — звонким колокольчиком рассмеялась Негомила. — Нянюшке на кухне помогала накануне, она меня и наградила. Матушке твоей, Ладе Великой, из ткани такой платья шьются.

— Ой, везёт кому-то. — Благослава почтительно погладила кусок материи кончиками пальцев. — От платья самой матушки частица. Примерить бы такое платьице, да хоть разочек...

— Кто же тебе позволит? — оборвала её мечтания Плеяна. — Не по чину тебе. Мы слуги, а не господа. Даже у Лёли таких платьев нет.

— Нет, — согласилась Лёля.

Она и правда носила простые белые сарафаны с широким подолом поверх рубахи с длинным рукавом, как все девушки в её окружении, и не хотела других нарядов. Перед кем красоваться? Да и в догонялки али салочки так играть гораздо сподручнее. А вот Лада-матушка любила платья до земли, чтобы башмачки, драгоценными нитями украшенные, прикрывали. Чело её венчал обруч с камнем, будто бы из звёзды сделанным. Число граней у него было бесконечным, и легенда гласила, что сам Род украшение это Лёлиной матери подарил, красотой и чистотой её поражённый. Раздобыть кусочек её платья да на куклу-оберег надеть — это как благословение матушки получить, ни одна прислужница от такой чести не отказалась бы.

— А знаете что? — Лёля поднялась с места, осенённая идеей. — Я сейчас Нянюшку отыщу и выпрошу у неё лоскутков красивых столько, чтобы на всех хватило! У Нянюшки их много, она мне не откажет. А вдруг и от батюшкиного кафтана что-то найдётся — шнурок али тесёмка?

Возможность обзавестись таким сокровищем взволновала всех девушек в комнате. Глаза радостно заблестели, щёки разгорелись, а Лёля в нетерпении покусывала губы. И как ей это раньше в голову не приходило? У няни в комнате столько сундуков, столько ларей, сколько же там должно быть интересного! И конечно же, Нянюшка не будет противиться своей питомице любимой. К тому же не только для забавы им лоскуточки нарядные нужны, упражнение в рукоделии никому не повредит.

Приподняв кружевную занавеску, Лёля выскользнула из горницы в неосвещённый коридор. Белый свет падал в проём двери, узорчатые тени лежали на деревянном полу. Обогнув дом по коридору да сбежав по широкой лестнице, Лёля спустилась ниже, на второй этаж, где жили прислужники главных богов Прави — Лёлиной семьи. Там же, в самом углу, была и нянина комнатёнка.

— Нянюшка, родненькая! — тихо позвала Лёля, налегая на тяжёлую дверь.

Дверь за что-то зацепилась на долю мгновения, но потом с лёгким скрипом распахнулась. Комната была пуста. Лёля в нерешительности замерла, не решаясь переступить тёмные, временем отполированные доски порожка, разделяющего комнату и коридор.

Когда-то она часто заглядывала в эту комнату. Когда-то бежала, чувствуя под босыми ступнями тёплое дерево пола, толкала дверь, влетала внутрь, чтобы с ногами забраться на высокий стул с резной спинкой и как на чудо смотреть на толстый самовар, слушать, как бурлит что-то неведомое в недрах его, что-то совсем не страшное, а, скорее, таинственное и уютное. И ждать, пока достанет нянюшка с полки тарелки с голубым ободком и положит туда сладости, с которыми горький чёрный чай с травами казался на удивление сладким.

А вот и Лёлина колыбель, до сих пор стоит возле Нянюшкиной узкой кровати. И до сих пор маленький матрасик из соломы покрывает простынка такой ослепительной белизны, словно её крошечная хозяйка вышла во двор погулять, а не выросла и стала взрослой девушкой. Как няня сказала? Взрослая она уже девица восемнадцати годов? Да ведь это не так уж и много! Куда спешить и зачем, если она даже в куколки ещё не наигралась!

Вспомнив, что подруги ждут её, чтобы продолжить забавы, Лёля повысила голос:

— Нянюшка, ты здесь? Отзовись, голубушка, просить тебя об одолжении хочу...

Никто ей не ответил. Где же Нянюшка? На кухне или на лавочке сидит своей излюбленной, от трудов отдыхает? И что же делать тогда? Решившись, Лёля быстрым шагом пересекла нянину комнату и отворила маленькое окошко. Она не ошиблась, няня и правда оказалась внизу, на завалинке. Белоснежная кружевная грудка покоилась на её коленях, а пальцы ловко орудовали крючком, переплетая быстро бегущие нити из большого клубка.

— Нянюшка! — крикнула Лёля, перегнувшись через подоконник. — Дозволь потревожить тебя, с просьбой обратиться!

— Конечно, моя козочка! — Нянюшка отложила вязание и улыбнулась Лёле. — Проси что хочешь, золотая моя. Сейчас подойду к тебе.

Старушка сделала попытку подняться, и Лёля поспешила её опередить:

— Сиди-сиди, я сама спущусь!

Она отбежала от распахнутого окна и уже хотела было выйти из светлицы, как взгляд её притянул большой сундук у стены. Богато изукрашенный, с ромбами да кругами, вырезанными на крышке. А зачем дважды ходить, когда подруги ждут, а она и за один раз оборотиться может? Няня же дала понять: всё, что Лёля у неё ни попросит, всё даст воспитаннице своей.

Лёля решила, что сама выберет тряпочек, каких поярче, а с ними уже спустится к Нянюшке и разрешения испросит. Она присела возле сундука и не без труда подняла его массивную крышку.

Сколько же вещей там было! Но, к разочарованию Лёли, здесь лежали уже готовые наряды. Где бы Нянюшка ни хранила свои запасы тканей и собственноручно связанных кружев, то был не этот сундук. Одной рукой придерживая крышку, второй Лёля бездумно перебирала одежду, пахнущую ароматными травами из тряпичных мешочков, и узнавала богатые платья сестры и матушки. Она уже с надеждой присматривалась к маленькому угловому шкафчику, как вдруг...

Увидела среди нарядов драгоценных что-то странное, то, что не могла объяснить. Очень лёгкий, тонкий кусочек ткани с золотистым плетением будто бы сам попал в её пальцы. Ткань походила на ту, что была у Негомилы, такая же нежная и дорогая. Только шершавые пятна на ней, давно высохшие и заскорузлые, жёстко контрастировали с прохладной гладкостью. И цвет пятен этих чудной такой! Тёмный, но яркий, как глаза Кощея. Не было в Прави таких цветов.

Взяв загадочную находку, Лёля прикрыла сундук и выпрямилась. Сердце стучало дробью, кололо и ныло, и отчего-то захотелось прижать этот клочок ткани к беснующейся груди. Может, так она и поступила бы, но на пороге раздались шаги.

— Не дождалась я тебя, доченька, разволновалась и сама пришла...

Нянюшка застыла в дверном проёме, руки с зажатым кружевом опустились, клубок выпал и покатился к Лёлиным ногам. Лёля рассеянно отметила про себя, что закатился он под стол, о ножку его ударился и замер. Она знала, что должна что-то сказать, но слова не шли.

— Ох, милая, — в стоне старушки звучала скорбь и плохо скрытая тоска, — нашла-таки...

— Что это такое, родненькая? — Лёля поняла, что осипла, прокашлялась, возвращая голос, взгляд снова уткнулся в тёмные пятна. — Неужто плохое что-то? И видом диковинное...

Несмотря на переживания, отдавать найденный кусочек ткани не хотелось. Было что-то знакомое в переплетениях золотых нитей, что-то тёплое, светлое, далёкое, как звёзды над головой.

— Это Догоды платочек. — То же самое светлое и тёплое чувство сквозило в речи няни, когда она обняла Лёлю за плечи и бережно забрала платок. — Только в крови он. Твоей крови, дитятко.

Глава 2

— Моей?.. Крови?.. Нянюшка, а что за чудо такое — кровь? — Лёля чувствовала, как в ожидании ответа замирает сердечко. Знать, откопала она в сундуке у Нянюшки тайну какую-то, а любопытство никогда Лёле чуждо не было.

— Кровь, милая моя... — Нянюшка задумалась, ласковым жестом поглаживая платок, — это жизнь твоя, твоя душа... Бывает, потеряет человек всю кровь, и смертушка к нему приходит. А бывает, плохой человек, злой, тогда говорят, что и кровь у него дурная...

— Вот же диво, — покачала головой Лёля, — никогда прежде не видала подобного. Да и цвет необыкновенный такой. Где же кровь эта у меня находится и как на платочек попала?

— Эх, светлая ты, Лёлюшка, чистая, словно цветочек полевой. Кровь-то, она внутри всего живого протекает, неважно — бога ли, человека. По ручкам, по ножкам бежит. Только не права ты, коль считаешь, что крови раньше не видала. Много крови было в твоей жизни, много страданий, голубка. Но батюшка Сварог уберёг. Нельзя детям видеть то, что ты видала, нельзя помнить да в снах беспокойных к тому возвращаться. Душа ж ты моя безгрешная! — Нянюшка обхватила голову Лёли и прижала к худощавой груди.

Старческие узловатые пальцы бережно гладили её по волосам, сердце старушки билось часто и гулко, но Лёля думала о своём под этот монотонный стук. Столько вопросов на языке крутилось, столько мыслей путалось. Как кровь, что, по словам нянюшки, внутри бежит, на платочке оказалась, да на богатом, золотыми нитями разукрашенном? От какого деяния лютого батюшка её спас? Почему не помнит она ужасов тех? Столько слов, и ни одно не высказать! Лёля подняла голову и с мольбой взглянула на няню, в тёмные её глубокие глаза, надеясь, что старушка поймёт безмолвные вопросы.

— Что же делать мне с тобой, горемычной, коли разгадала ты всё? Лёлюшка, мне бы к батюшке тебя отвести, покаяться, что тайну его сохранить не смогла! Сварог-батюшка меня отругал бы, а тебя памяти лишил, и жили бы как раньше, но не могу я так, несправедливо это. — Нянюшка всхлипнула, выпуская Лёлю из объятий, и развернула на ладони платочек, на который смотрела как на самое ценное сокровище. — Несправедливо, что друзей ты верных не помнишь, не заслужили они того! — Тяжёлые слёзы медленно покатались по лицу старушки. Всего две слезы, а Лёля изумлённо наблюдала, пытаясь вспомнить, плакала ли хоть раз Нянюшка в их спокойной, тихой жизни в Правии. — Золотые мальчишки были! И Догода, и братец его. Как родных внуков я вас воспитывала, любила до умопомрачения, вот и выбросить платочек не смогла, рука не поднялась на последнюю память о мальчишках моих! А ведь твой батюшка строго приказал, чтобы даже имён их под небом Правии не произносили. Ох, Лёлюшка, и что же со мной Сварог сделает, коли узнает, как наказ я его нарушила?

Испугалась Лёля, когда о батюшке своём услышала. Строг бывал Сварог, прикрикнуть мог, посохом в пол ударить, за неповиновение наказывал без пощады. Может, оно и верно, царством богов управлять — не на завалинке сидеть, светом звёзд наслаждаясь. Лёле и самой от батюшки доставался выговор, когда обязанности Берегини выполняла плохо. И так жалко ей Нянюшку стало, что она мягко отстранила старушку и подбежала к раскрытой двери. Вдруг кто-то из подруг искать её пошёл да разговор подслушал? Чувствовала Лёля, не для чужих ушей слова Нянюшки сказаны были. Да и то, высказала их несчастная только потому, что молчать больше не могла. За дверью не было ни души. Облегчённо выдохнув, Лёля бесшумно прикрыла дверь, вернулась к няне и усадила её на деревянную лавку у стены.

— Нянюшка, успокойся! Ничего тебе батюшка не сделает, коли не узнает ни о чём. А я не расскажу, ни в жизнь тебя не выдам, родненькая, ты же мне веришь? — Лёля присела перед няней и обхватила тёплые мягкие ладони, до сих пор сжимающие окровавленный платочек.

— Как себе верю, девочка моя добрая! — Нянюшку портили блестящие дорожки слезинок, затерявшиеся среди глубоких морщин, но взгляд её лучился нежностью. — Выросла, а таким же ребёнком светлым осталась, красавица. — Няня провела тыльной стороной ладони по Лёлиной щеке. — Видели бы тебя Похвист и Догода, узнали бы в тебе подругу детства своего? Али растерялись бы перед красой такой? Ох, знать бы, где сейчас мальчики мои! Тоже, наверное, пригожи, как день солнечный и ночь лунная. Стрибожки внуки...

— Скажи, о каких мальчиках ты вспоминаешь всё время, Нянюшка? Незнакомы мне имена их — Похвист и Догода. Хотя про Стрибога, ветров повелителя, слышала.

— Не только слышала. Ты, поди, на коленях его выросла, столько волос из бороды седой ему выдернула — не счесть. А он смеялся лишь, баловницей тебя называл. Стрибог — друг закадычный, товарищ надёжный батюшки твоего. Не разлей вода они были, хоть один над Правью царствовал, а второй Явью заправлял. Знаешь ведь, что не только в Прави боги живут? Многие ведь и в Яви обитают.

— Конечно знаю. И боги, и духи, и нечисть всякая... Мне девочки чего только о Яви не говаривали... Да и братец мой Перун в Яви чаще, чем в Прави, бывает, — тихо ответила Лёля, заворожённая рассказом.

Не верилось ей, что когда-то жизнь в её привычном мире была совсем другой. Неужто у батюшки её сурового приятель близкий был? И не абы кто, а сам Стрибог! И у неё друзья водились — парочка братьев-сорванцов, завладевших сердцем Нянюшки. Да только куда все они делись? Не помнила Лёля, чтобы хоть кто-то из рода Стрибожьего в Прави появлялся. Что за напасть на Нянюшку нашла? Зачем ей выдумывать ложь такую складную?

— Бывает твой братец в Яви, бывает, — закивала Нянюшка. — Важное дело Перуна в Яви держит. После того как рассорился батюшка Сварог с другом своим Стрибогом, навьская нечисть так и норовит до Прави добраться. Они, может, и добрались бы уже, не впервой, только сначала им через Явь прорваться надобно. Вот брат твой в Яви службу несёт, бережёт от вторжения навьского. Пала однажды Явь, так Перун врагов, с подземного царства пришедших, победил, запер лиходея главного, змея тёмного и завистливого, под каменной плитой. Не помнишь ты того, но тогда и тебя с сестрицами Перун из плена спас...

— Не было такого, Нянюшка, Род с тобой! — не сдержала Лёля возмущённый вскрик. — И раньше история твоя сказкой звучала, а сейчас и вовсе на небылицу похожа!

— Было, милая, было... Эх, лиха беда начало. Коли начала сказ, так и закончить должна. — Няня решительно сжала в кулаке золотистый платок, словно прося его поддержки, и продолжила: — До сих пор душа ноет, как дни те сумрачные вспоминаю. Не оговорила я по ошибке, когда про Кошея рассказывала. Знал он тебя, хорошо знал. Ты, Лёля, в Нави долго жила. До самой битвы великой. Там, в Нави, тебя Кошей и углядел. Да и после часто в Правь захаживал, вроде как к батюшке твоему почтение оказать, а на деле на тебя заглядывался. Так и ходил, пока на предложение не решился.

— Да что ты такое говоришь? — Лёля отпрянула, не веря собственному слуху. — Я даже врат, ведущих в Явь, найти не смогла, куда уж мне до Нави добраться! Да и что мне там делать среди мертвяков? А уж о битвах я слыхом не слыхивала! Нянюшка, за что ты вздумала со мной шутки шутить? — Она расстроено засопела, поражённая предательством близкого человека. Никогда ещё Нянюшка так обижать её не смела, напраслину наговаривать. — Неужели поквитаться хочешь за то, что в комнату твою без спроса вошла? Наказать меня, неразумную? Так я уйду сейчас и не вернусь боле! Только не говори слов таких страшных, Нянюшка, не обманывай меня, мысли мои не путай!

— Успокойся, Лёленька, нет мне резона тебя обманывать. — Няня успела ухватить уже поднявшуюся Лёлю за подол и остановить. — Ребёнком ты тогда была, отроковицей юной. После ссоры батюшки твоего и Стрибога пала защита, двумя сильнейшими богами созданная. И пока каждый из них пытался сам свои владения оборонять, похитил тебя прямиком

из нашего сада Скипер-Змей — злодей лютый, у подножия Древа Мироздания обитающий, сотканный из тьмы меж его корней. Тьмой проник он в Правь, тьмой захватил тебя, Живу и Морену да к себе в Навь увлѣк.

Лѣля боролась с удушьем и даже не пыталась вырвать юбку из слабой няниной хватки. Пусть слишком сказочно звучала история из уст Нянюшки, но что-то в глубине души подсказывало Лѣле, что нет ни слова лжи во внезапном Нянюшкином упорстве, в этой странной фантазии. Может, память её и подводит, но чувства, ощущения... Было в её жизни что-то тёмное, холодное, то, отчего Кощея тогда так испугалась, было...

— Матушка ваша места себе от горя не находила, Сварог-батюшка клич бросил среди богов молодых, на войну с исчадиями тьмы их призывая... Кто-то на зов пришѣл, кто-то на сторону Стрибога стал и помогать отказался. Перун войско возглавил да в бой пошѣл... Про битву ту я тебе уже рассказывала. Только вот как спасли вас, многое уже было не вернуть, не поправить...

— Нянюшка...

— Оборотил вас Скипер-Змей в слуг своих. Как — неведомо, да много ли надо девицам молодым, чтобы словами змеиными соблазниться? А он и рад был — тремя богинями сильными завладел, а не марами какими-нибудь. Учиняли вы раздоры в Яви по его указке, глады, моры. Где втроѣм пройдѣте — город как косой косило. Помирали многие — молодые, старые. Но не со зла вы это делали. — В добром голосе Нянюшки звучало сострадание, и Лѣля не знала, к кому: к ней ли али невинно убиенным? — Не могли иначе, Скипер-Змей головы вам задурил, отучил хорошее и плохое различать, сказал, что нет вам недозволенного, Сварожьим дочкам... Вот вы всё за игру и приняли.

— Быть не может такого! — Будто судорога прошла по телу Лѣли. Она резко дѣрнулась, и нянина рука обессиленно упала. Освободившись, Лѣля отбежала к оконцу. Она обхватила голову, словно это могло помочь спутанным осколкам памяти собраться в единую картину, но добила только того, что нещадно заломило виски. — Не помню, не помню ничего! Жива, Морена, матушка, батюшка! Они бы сказали. Кто-нибудь да сказал бы! Невозможно, чтобы все молчали и о злодеянии нашем не вспоминали!

— Не знает Жива, что сотворила, не знаешь и ты. — Лѣля обернулась, но наставница не смотрела на неё, перебирая в руках — бережно, будто он мог рассыпаться в пыль от слишком сильного прикосновения, — свой заветный платок с каплями крови. — Сварог-батюшка память вашу забрал, чтобы не терзаться вам дурными воспоминаниями, чтобы совесть не грызла. Морена только помнит да с этим знанием живѣт. Она хоть и пострадала не меньше вашего, да не только муки в Нави нашла. Когда Перун с войском батюшки твоего в Навь спустился, присоединились к ним в войне против Скипер-Змея Кощей и Чернобог, царь местный. К Чернобогу сердце сестры твоей и прикипело, да так сильно, что чары Сварога не сработали, не дали ей забыть всё, в Нави пережитое. Любовь сильнее колдовства, Лѣленька. Много плакала Морена, в Навь к возлюбленному рвалась. Отпустил её отец, хоть и не желал дочери всю бессмертную жизнь в Нави провести, живой в мир тьмы сойти и навек среди душ умерших поселиться. Да только знаешь, Лѣля, никогда Морена о судьбе своей не жалела.

— Зачем же со мной и с Живой батюшка так поступил? Нельзя же, Нянюшка, нельзя всё забыть, будто и не было ничего, будто не творила я зло, пусть и по указу чужому... — горько проговорила Лѣля, глядя из окна на тихий двор, на пруд, на играющих там уток. Она старалась представить, что когда-то ходила по Яви, неся смерть и разрушения, но не могла, как ни пыталась. Не было в её памяти ничего, она не знала даже, как эта самая Явь выглядит. — А я ведь и стыда за поступки свои не чувствую. Коль не помню, что сотворила, как мне раскаяться? Что же делать теперь, Нянюшка, как вину искупить?

— Ты уже искупаешь, дитятко. И ты, и Жива. Сама подумай: Жива — Богородица, богов новых рождает, воспитывает, на путь истинный наставляет, а потом отпускает людям служить,

а ты каждый день о спокойствии в Яви Рода упрасиваешь, просишь всех живущих от дурного уберечь. Думаешь, батюшка тебя по прихоти своей молиться заставляет? Нет, хочет он тебя защитницей Яви сделать, Берегиней. Много молитва Берегини может, мала ты только, чтобы это понять.

Ведь и правда, подумалось Лёле, сколько она себя помнит, она молилась. Или бегала к Нянюшке за сказкой и сдобной булочкой. Будто из ребёнка безропотного сразу взрослой девушкой стала. Глупая, и не задумывалась ведь, почему годы отрочества память от неё скрывает. Сколько же лет забрал батюшка, когда память её зачаровал? Будто всю юность украл! Так, выходит, и платочек Нянюшкин оттуда, из утеранных воспоминаний?

— Нянюшка! — Лёля стремительно повернулась к старушке, испуганная внезапной мыслью. — Кем нам были внуки Стрибога? И кровь моя на платке этом... Неужто, значит это, что я и их погубила? Батюшка и о том мои воспоминания отнял?

— Нет, что ты, милая! Мальчиков ты долго помнила, плакала по ним. Наверное, от жалости Сварог-батюшка заодно и о них тебя забыть заставил. Догода и Похвист друзьями твоими были, соратниками по забавам! Ох, любовалась я вами, когда вы втроём игры в саду старом заводили. Будто птички перелётные порхали меж деревьев... Похвист постарше был, а вы с Догодой одних годочков. Иногда и Лёлё с Полёлем не выдерживали да к забавам вашим присоединялись. Смех тогда стоял звонкий, дудочки не смолкали... Не вспомнить мне в Прави дней лучше, чем когда Похвист и Догода здесь гостили, а гостили они частенько.

— Так что же случилось, Нянюшка? Не мучай, рассказывай, не могу я больше во лжи жить!

Лёля сцепила пальцы в замок, обернувшись к окну. Сил не хватало смотреть на Нянюшку, свидетельницу стольких событий её жизни, о которых Лёля и не подозревала. К тому же досадно ей было. Не чувствовала она, что искупила свой грех долгими молитвами, и, благо, не знает никто, как частенько Лёля мечтала, стоя на коленях, о чём-то далёком от божьей воли, вместо того чтобы просить Рода о Яви позаботиться.

— Незадолго до пришествия Скипер-Змея это случилось... — Взгляд няни затуманился воспоминаниями. — Стрибог — бог ветров, что по Яви гуляют, а Похвист и Догода — внуки его. Похвисту Стрибог доверил северным ветром управлять, а меньшому, Догоде, — южным. Да по ним и видно было — один суровый, как старший брат за вами двумя приглядывал, а второй ласковый, игривый, аки котёнок дурашливый. И, как котёнок, шалости любил. А ты не отставала. Какие только вы с Догодой проказы не учиняли! По деревьям лазали за яблоками на самую верхушку, уток и лебедей Дажьбога дразнили, с колесницы Перуна шарики медные скручивали. А Похвист потом быков братца твоего от вас, бедовых, отгонял, а то забодали бы...

Лёля слушала рассказ няни со смешанными чувствами. Она слишком хорошо знала места, о которых рассказывала старушка: яблоневый сад матери, излучину реки, где Дажьбог разводил крикливых гусей, серо-зелёных уток и красавцев-лебедей, конюшни брата Перуна... Но только не было в её воспоминаниях других детей. Она всегда была одна и не думала, почему так. Не звучал в её мыслях весёлый смех, не могла она представить, что кто-то заботился о ней, как о сестре своей названной, а кто-то яблоками прямо с яблони потчевал... И всё же... Как хорошо было бы, окажись детство её не таким одиноким, как она думала.

— Как-то раз игру вы затеяли новую. — На сей раз голос няни изменился, стал жёстче, будто мочалка из конского волоса. — Мальчики перебрасывались платочком, вот этим самым, Догода его на шейку повязывал.

Нянюшка посмотрела на платок в своей руке, вздохнула и протянула Лёле. Лёля осторожно приняла платочек, боясь испортить ненароком, и заметила в углу вышитую буквицу «Д» — добро. Первая буква имени Догоды, имени слишком чужого, слишком незнакомого.

— Братья силами мерялись, ветрами своими платочек выше и выше поднимали. Побеждал Похвист, на то и старший брат. А тут ты на крылечке появилась. Догода от радости рас-

старался да к тебе платочек и направил. Как сейчас помню, смеялась ты... Смеялась, платочек догнать пытаюсь, только Догода в последний момент из-под ручки твоей его уводил.

Лёля смотрела на бело-золотой платок с пятнами крови, а перед глазами стояла совсем другая картина: этот же ткани кусочек на фоне неба звёздного. Кажется, что рядом платочек, а достать не выходит. И так хочется хотя бы кончиком пальца его коснуться, победителем выйти этой из игры... Замечталась Лёля, не отрывая взгляд от платка. Весело было бы иметь друга такого, повелевающего ветрами. В Лёлиных фантазиях Догода был смазанной фигурой, гибкой, стройной, с неё ростом, раз они примерно ровесники. Наверное, он часто улыбался. И крепко, наверное, они дружили. Похвиста Лёля представляла себе высоким, худым, издали взирающим на их детские шалости с ухмылкой старшего братца. И пусть недолго жили мальчики в её мечтах, лишь несколько мгновений, Лёля уже успела привязаться к своей фантазии. И тем больнее было слышать следующие нянины слова:

— А дальше, Лёленька, беда случилась. Никто не знает, как так произошло, да только забежали вы с Догодой в лес запретный. Пусть и на самую кромку, но легенда есть, что Мокошь избу себе там поставила и окружила дом свой растениями дикими, опасными, чтобы не пускать никого. Легенда то или быть, но... Что помню дальше, так это крик. Тонкий, как иголка, пронзительный. Никто ещё в Прави так не кричал.

Сердце Лёли, только что пребывавшей в светлых мечтах, сдавило, а в горле появился комок, мерзкий, не сглотнуть его, не выплюнуть. Неужто это Догода кричал? Неужто погиб он? Лёля часто гуляла в запретном лесу, хоть и знала, что ходить туда не стоит. Всё равно ходила, ничего не страшась, а получается, таится в том лесу напасть какая? Она закусила губы, ожидая продолжения нянюшкиного сказа.

— Разыгрался мальчонка да не заметил, как в куст терновый платочек свой направил. А ты ж малая, неразумная, полезла на колючки. Ох, а шипы там — с палец длиной. — Голос Нянюшки звучал сдавленно, будто старушка и сейчас зарыдать была готова, вспоминая о горе своём. — Никто не успел к вам вовремя. Похвист бежал, я, как могла, торопилась, даже матушка твоя на крик бросилась — а все опоздали. Пролилась кровь божья, впервые за то время, как Правь существует. Не было такого раньше, и потом не случалось, чтобы кровь созданий Родовых Правь обаграла. В Нави, в Яви войны велись, но в Прави... Не бывало, чтобы один бог кровь бога другого пролил. Грех сей великий на Догоду пал...

— Да как так! На ребёнка несмышлёного? Грех великий? — Лёля развернулась так быстро, что одна из тонких белых кос взметнулась и хлестнула её по щеке. — Неужто Род Великий законы такие установил?! В чём же грех Догоды? В том, что играл он, как и все дети? Глупости какие! Я жива осталась, к Роду не ушла, стою пред тобою! Неужто и батюшка за него не вступился?

— Иди сюда, девочка моя, — взмахнула рукой няня, подзывая Лёлю к себе, а когда Лёля подошла, взяла её за левую руку и поставила спиной перед тусклым зеркалом, висящим на стене. — Ты, может, не замечала, а может, и не думала, только вот, — с этими словами няня закатала широкий рукав Лёлиной рубахи до самого плеча, — отметины с того дня так и не сошли, навеки знаком крови пролившейся остались.

Палец Нянюшки остановился над едва заметными бело-розовыми линиями, покрывающими заднюю часть предплечья Лёли. Лёля, как могла, прогнулась, чтобы рассмотреть тонкое, почти невидимое и вместе с тем не оставляющее сомнений свидетельство правдивости нянюшкиных слов. Она погладила гладкую кожу, не испытав никакого неудобства. Если когда-то здесь и была глубокая рана, боль от неё прошла очень и очень давно. Ерунда какая-то, из-за такой мелочи мальчика в грехе обвинять?

— Это сейчас тебе страдания твои мелочью кажутся, — правильно истолковала Нянюшка Лёлины действия и её вопросительный взгляд. — А когда на ребёнке любимом пятна кровавые поверх белоснежного рукавчика расплываются, кровь по пальчикам стекает да на землю

падает... А тут ещё и Догода не стерпел, платочек с куста сорвал, кровушку тебе утереть пытался... Перепачкался он в своих слезах и твоей крови, ты от боли криком заходишься...

Лёля стиснула платок, который, оказывается, до сих пор держала в руках. Представила, как потрясённый мальчик прикладывал его к её окровавленному плечу, как плакал сам, разделяя её боль. Нашёлся ли в тот день роковой кто-то, кто утешил двоих перепуганных детей? Или так и остались они единственной поддержкой друг друга?

— Матушка твоя подбежала, Догоду оттолкнула, тебя в объятия сгребла. А мальчик-то бедный на травке лежит, даже слёзки не утирает, страшно ему, непонятно. И на мне грех, каюсь, хотела к нему податься, да стопор на меня нашёл, как батюшку твоего увидала. Спешил к вам, да так, что камни отскакивали от посоха его, коим он по земле бил. Верится мне, не сдержался бы он, ударил Догоду, не посмотрел бы, что тот ещё малец совсем, но будто молния серая между ними скользнула. Похвист пред отцом твоим стал, руки раскинул, брата младшего телом своим закрывая...

— Вот как... — шепнула Лёля. Одного ребёнка только пожалели взрослые, приголубили. А что же второй? Кто ему помог? — Ругался батюшка? — с трепетом спросила она, слишком хорошо представляя Сварога в гневе.

— Проклял отец твой Догоду, мальчика, добрее которого свет не видывал, как преступника какого-то. — Всхлип снова прорвался сквозь, казалось бы, успокоившийся нянюшкин голос. — При свидетелях проклял, много тогда уже народу набежало. Сказал, что нет ходу в Правь тому, кто кровь божественную проливает, что не было ещё под сенью Царь-Древа богубийцы, да первый появился... А мы все слушали и слова вопреки Сварогу-батюшке сказать не решались... Бедные Похвист и Догода, никто на их сторону не встал, одних оставили пред богом сильнейшим...

— Перестань, Нянюшка, сил моих слышать это больше нет! — Теперь и Лёля не сдерживала слёз. Да если бы её в детстве позором таким облекли, убийцей обозвали ни за что, не выдержало бы сердце её, ушла бы она к Роду, как пить дать, ушла! — Как батюшка мог так поступить с ребёнком беззащитным?! Не было злого помысла в деянии Догоды. Коль винить кого, так меня, за то, что заигралась, опасности не заметила! Почему же батюшка понять этого не смог? Где он сейчас, няня, где Догода? Жив ли, здоров? Увидеть его хочу, повиниться пред ним! Сказать, что зла не держу, другом снова его назвать!

— Золотко моё, и я больше жизни хочу в глазки его взглянуть хоть разок. Прощения просить, что не заступилась, старая, что так и оставила на земле холодной за Похвистом дрожащим прятаться. Малые же они, боялись батюшки твоего, но вместе держались. Да и не было у них здесь никого больше, гости ведь. Дед их, Стрибог, в Явь тогда ушёл... Мальчиков немедленно до врат сопроводили, в Явь выставили и запретили Догоду проклятому даже думать в Правь возвращаться. Конечно, не стерпел Стрибог такого с внуками обращения, вместо друга врагом отцу твоему сделался. Даже радовался, когда тебя с сёстрами Скипер-Змей в Навь забрал, не позволил своему войску к Перуну присоединиться. А войско у Стрибога большое, сильное...

— Если я к отцу пойду, если в ноги упаду и просить буду, чтобы позволил мне снова с Догодой повидаться? Нянюшка, отменит он заклятие своё, путь в Правь для Догоды откроет? Не могу я жить, зная, что так несправедливо с ним поступили! Хочу снова друзей верных обрести, позор с них снять хочу!

— Если раскроет батюшка твой тайну нашу, если узнает, что всё тебе ведомо... Кто знает, может, и в Навь меня отправит за такое. А впрочем, оно и к лучшему. Ради того, чтобы снова тебе с мальчиками встретиться, я и в Навь пойду. Расскажи отцу своему, что нельзя дочерям память править по собственному желанию, чтобы в забвении они жили, только о добром вспоминая. Жизнь — она как мозаика цветная: не только из ярких стекляшек состоит, но и из тёмных.

— Я пойду, Нянюшка, я попробую его уговорить! — Лёля решительно провела ладонью по смятому платью, одёрнула воротник, приводя себя в порядок. — Не откажет мне батюшка, иначе не прощу его никогда! А платочек, Нянюшка, себе оставь, храни в укромном месте, вижу, как дорог он тебе. Жди меня с новостями, я не я буду, коли Догоду в Правь не верну.

— Ишь что удумала, девка безмозглая! Да как у тебя только язык повернулся о милости для богоубийц просить! Таким место в Нави, нечего землю Прави ногами грешными попирать!

Ох, как грохотал Сварог, как заходился в гневе! Замирало всё внутри Лёли, но она стояла, смиренно голову опустив и отказываясь хоть шаг из спальни отцовской сделать. Бог верховный, Бог-кузнец Сварог, велик был, как гора, силён, как быков дюжина. Лёля ему едва-едва до груди доходила. А в рубаху белую Сварога, разукрашенную богатой вышивкой, таких, как она, девиц штук пять вошло бы, и ни одной тесно не было бы.

— Вот окаянные ты и няня твоя! Сошлю старую на кухню, нет ей больше веры! Всё выболтали уста её без запора! Что удумали за моей спиной! Предать отца, грешника на землю святую пустить! Мало того что Догода этот тебя, дочь мою младшую, изуродовал, так ещё и семейство его в богоугодную войну против Нави не пошло! Стрибожий род проклятый!

— Но батюшка...

— Молчи, дочь неблагодарная! Не знаешь, сколько слёз пролила, сколько ночей не спала, Догоду своего зовя! Мать извелась, на муки твои глядя. Род свидетель, была бы у меня власть не только над единокровными моими, я бы память об этом душегубце у всех забрал, у каждого, кто милость богов Прави не ценит. У всех, кто смеет поганца этого вспоминать и брата его!

— Не держу я на него зла, и ты прости! — успела выкрикнуть Лёля, пока отец набирал воздуха в могучую грудь. — Что было, то прошло, батюшка!

— Простить? За то, что святую землю Прави осквернил, боль богу другому причинив? Для всех закон един — для ребёнка ли, для старца, для бога, для богини. Все под Родом ходим, под светом звёзд его благословенных и душами богов, ещё не переродившихся. Пойми, дочь моя, Догода не только Правь осквернил, он и себя в скверну облёк. Доходили до меня о нём слухи. Не могу я вашей встречи допустить! На твоих молитвах Явь зиждется, на чистоте твоей! Не тебе водиться с не заслуживающими Рода милости.

— Не прав ты, отец! Род велик и благ, он пощадил бы того, кто по незнанию ошибся! Простил бы каждого, кто обратился к его милости! — Лёля чувствовала, как внутри собирается шарик гнева, и это было новое, незнакомое ей чувство.

Сварог яростно обернулся, но теперь Лёля не боялась. Что отец ей сделает? И её проклянет? Из Прави выгонит? Она сжала кулаки и уставилась отцу в глаза, светлые и прозрачные, как воды озера.

— Неужели не хотелось бы тебе с другом своим старым повидаться? Со Стрибогом вновь поговорить? Вспомни, отец, ведь почти братьями вы были, по силе никто с вами равняться не мог! Не найти другого такого друга, тебе равного.

Распрямились широкие мускулистые плечи Сварога, будто горы ходуном заходили. Видно было, что задела слова Лёли что-то в душе прославленного Бога-кузнеца, да только отвернулся он, не дав ей себе в лицо заглянуть.

— Эй там, за дверью! Ростислав! Добронег! — наконец звучно крикнул он в установившейся тишине.

В ответ на зов в горницу господина вбежали два прислужника — парни молодые, умершие, когда корабль их ко дну пошёл, но ценой жизни своей другие жизни спасшие.

— Уведите её в светлицу да запирайте на замок! Успокоиться мне нужно и с бабкой твоей болтливой потолковать. — Сварог выдохнул и снова шумно втянул воздух. Будто кузнечные меха ходили под его рубахой, обтягивающей крепкие мышцы спины. — А позже я к тебе зайду.

Не понимаешь ты ещё, что не всё помнить нужно, в забвении жить покойнее. Помни своего Догоду, покуда можешь, покуда не излечу я тебя снова от хвори твоей безрассудной.

— Не надо, батюшка! — Лёля дёрнулась, пытаясь вырвать локоть из осторожного, но крепкого хвата Добронег. — Не надо! Оставь мне хоть эти воспоминания о рассказе нянюшкином!

— Пошли, Лёля, не зли батюшку, видишь, не в духе он, — шепнул ей на ухо Добронег, потихоньку двигаясь к выходу.

— Коль увидеться нельзя, дозволю я молиться буду о Догоду и Похвисте! Пусть хоть так прощения у них испрошу!

— Негоже время своё на богов недостойных тратить... Скоро всё будет как прежде, дочь моя, дай только сил набраться. — Сварог тяжело дышал, будто бы пытаясь успокоить себя.

Лёля несколько раз обернулась, пока её волоком тащили к двери, но отец ни разу не взглянул в её сторону, словно уже остался в комнате в одиночестве. Он молчал, стоя на широко расставленных ногах, упираясь посохом в пол и думая какую-то свою думу.

— Батюшка, прошу... Не надо, не хочу забывать... Похвист, Догода... Не виноваты они ни в чём...

Но дверь горницы отца захлопнулась, и мольбы Лёли слушать было уже некому.

Глава 3

День прошёл, как Лёля взаперти сидела. Удивительно, но не позволил ей батюшка даже на молитву выйти, невиданное дело. Осерчал, видно, знатно. И Нянюшку видно не было. Лёля не отходила от окна, сидела на мягкой бархатистой подушечке, положенной на деревянную лавку, и с завистью смотрела на озеро, на качающиеся под ветром высокие камыши, на домашних птиц, разгуливающих по двору. Она с радостью сейчас обменялась бы местом и с уткой толстой, лишь бы воздуха, сдобренного запахом травы и свежести, вдохнуть.

Вот почему так? Хочешь дело правое сделать, а не дают? Матушка вчера в Лёлину светлицу приходила, но сказала лишь, что отца слушать надобно. Коли считает он, что знать про Догоду и Похвиста ей не нужно, так тому и быть. А когда Лёля про свою жизнь в Нави спросила, обняла её Лада крепко, да промолчала.

Выспавшись и отдохнув от переживаний дня вчерашнего, Лёля проснулась уже с меньшей уверенностью, что сможет отыскать обиженного зазря мальчика. Во-первых, не уйти ей из Правы, если Сварог-батюшка на то не благословит. Во-вторых, что сказать Догоде при встрече? Не юнец он больше, каким она накануне его представляла. Сейчас он парень молодой, одних с ней лет. Крепкий, наверное, мускулистый. А быть может, наоборот, тонкий, высокий, стройный. Как такого другом детства назвать, юношу чужого, незнакомого? Вдруг и для него она незнакомка такая же, вдруг дела ему нет до её извинений?

И всё равно не хотела Лёля забывать историю, что няня ей поведала. Знание это будто бы живее её делало, пусть и тёмными, но красками расцвечивало однообразную жизнь. А батюшка собирался забрать у неё всё! Девницей легкомысленной, бед не знающей сделать! И не вразумить его никак! Сварог — упрямец, но и Лёля от отца не отставала.

— Да поди ж ты, Ростислав! Нас сюда Лада Великая прислала Лёльку покормить! Пускай немедля в комнату! — прозвучал за запертой дверью звонкий девичий приказ. — А коль словам моим не веришь, иди сам у матушки и спрашивай! — Мужской голос обиженно пробурчал что-то невразумительное. — Веришь теперь? Вот то-то же!

В замке металлически лязгнул ключ, дверь в комнату чуть приоткрылась, сдерживаемая сильной рукой её охранника, но и этого хватило, чтобы, как угорьки юркие, в проём скользнули Пляна и Благослава с широкими подносами в руках. В комнату ворвался запах свободы — сушёных трав из коридора, землицы свежей с улицы, чего-то душистого и ароматного с подносов подруг. Лёля сама не заметила, как с надеждой вскочила с лавки. Неужто батюшка сжалился, помиловал её?

— Вот, Лёля, от матушки тебе послание — пирожок вкусный, румяный, с курятиной. — Пляна оборвала Лёлины надежды на милость отца, торжественно поставив на стол деревянный поднос и сняв с него белую салфетку с вязаным кружевом по краям.

— И молочка крыночка парного! А яблоч спелых целая корзинка! — радостно добавила Благослава, а затем обернулась к двери и вздёнула подбородок: — Ну что встал, лунь любопытный? Запирай светлицу! Ничего не случится, если мы с подружкой посидим, тайны девичьи обсудим. Не для твоих они ушей, брысь, окаянный!

Просунувший белокурую голову в дверной проём Ростислав громко цокнул языком и закатил глаза, однако дверь за собой закрыл и ключ на три оборота провернул. А для верности ещё ручку снаружи подёргал, чтобы убедиться — никуда пленница и товарки её из-под его начала не денутся.

— Девоньки мои, как же рада я приходу вашему! Что с Нянюшкой? Как батюшка? Всё так же зол на меня? — не удержалась от расспросов Лёля, едва только притворилась дверь.

Пляна и Благослава переглянулись, и взгляды их ничего обнадеживающего не выражали.

— Неведомо нам, — печально вздохнула Плеяна. — Сварог-батюшка из горницы своей не выходит, никого к нему пускать не велено. А что про Нянюшку... Никто прямоком не сказывал, да только слухи ходят, что отец твой и её под замком держит. Жива вместо неё на кухне хозяйничает, матушка Лада и Негомила ей подсобляют. Что же учудили вы такое, Лёлюшка? Не припомню, чтобы в доме нашем наказывали кого так сурово.

— Если скажу, за что батюшка милости меня лишил, так и вы с Благославой в опасности окажетесь, — отказалась отвечать Лёля. — Давайте лучше на стол вам накрыть помогу.

Не желала Лёля, чтобы и подруг её постигла участь Нянюшки, оттого и мялась с объяснениями, постилая накрахмаленную скатерть. С другой стороны, тяжело ей ложь давалась, особенно друзьям близким. Приходилось Лёле сражаться за каждое слово, вот-вот готовое с уст сорваться. Несколько раз она беседу завести пыталась, да всё невпопад. Неловкое, тяжёлое молчание повисло в маленькой комнатке. Только посуда звенела и стучал о тарелку нож, которым Благослава разрезала пышный, чуть подгоревший с одного бока пирог.

— Негомила готовила, — будто извиняясь, произнесла Благослава. — Ты уж не серчай на неё, я этот кусок для себя оставляю.

В гнетущей тишине Благослава первой опустила на стул и придвинула к себе пирог с тёмно-коричневой запёкшейся корочкой, за подругой последовала и Плеяна. Девушки на краткие секунды склонили головы, чтобы вознести безмолвное благодарение Роду, а затем принялись за еду, не поднимая глаз от своих тарелок. Лёля тоже откусила кусочек. Хорошей ученицей была Негомила, вкус пирога почти как у Нянюшкиного: сочный, мясо куриное во рту тает. От тоски по старушке защипало в носу и глазах. Вот бы обратно на завалинку, косы друг дружке с девочками плести, за звёздами наблюдать, Нянюшкины сказки слушать...

— Скучно без тебя, Лёлька, на кухне сегодня, — тихо промолвила Благослава, и непривычно было видеть её без обычной улыбки. — Без Нянюшки скучно. Не утай от подруг, коли чем помочь мы вам можем.

— Ничем не поможете вы мне, девочки. Совесть меня мучит и непонимание... — Лёле всё рассказать хотелось, но боялась она гнев Сварога на дорогих людей навлечь, отчего отвечала спутанно, запинаясь на каждой фразе. — Будто собака бродячая в сердце моё вгрызается... Узнала я давеча, что бог один есть, обиженный несправедливо батюшкой моим, и бог этот... мальчик этот... дорог он мне был когда-то. Говорила Нянюшка, росли мы вместе... Озорничали... Детьми счастливыми были, жизнью довольными, пока беда нас не развела. И очень уж мне хочется снова с ним повидаться, узнать, помнит ли он меня, не держит ли зла. А если обижен, так, может, я исправить что смогу, за батюшку своего прощения попросить?.. Ни о чём другом не думаю, подружки, мысли эти совсем меня измотали.

— Говорят, Род через сердце с нами общается, — серьёзно заявила Плеяна, терзая в пальцах отлетевшую от корзинки с яблоками соломинку. — Как знать, вдруг сказать он тебе что-то хочет, оттого и мучит? Надобно тебе...

— Надумала Лёлька себе ерунды, а ты подначиваешь! — перебила её Благослава в негодовании. — Велик Род, нет ему резона с каждой букашкой под звёздами общаться! И что такого Лёля сотворить могла, чтобы Рода прогневать? Если только кости из кладовой тайком таскала, чтобы кошку свою приبلудную кормить. Так про то даже Нянюшка знала, а ругать её не думала.

— Я и не говорила, что гневается Род на Лёлю. — Большие серо-голубые глаза Плеяны задумчиво смотрели на Благославу. — Воспитывает он её, как отец мудрый, что для дочери лучшего желает.

— Видела я любовь такую, когда ради лучшего для дочери отец её под дудку свою плясать заставляет. — Лёля резко отодвинула тарелку и сложила руки на груди. — Сварог-батюшка, как куклой, мной играет, якобы для блага моего. А я уже не девка малолетняя! Не нужны мне указы ни батюшки, ни Рода Всемогущего! Своим умом жить хочу!

Подруги смотрели на Лёлю с удивлением и лёгким осуждением во взгляде, должно быть, поражаясь такому святотатству от богини. А Лёле всё стало неважно — хороша она, плоха. Не хочется и дальше птичкой в клетке жить на всём готовеньком. Неправильно это, несправедливо. Всегда она делала то, что другие от неё ждали, а как желания собственные заимела — так не помог ей отец. Память стереть обещался, вот и вся недолга.

— Дело я одно задумала, да непростое оно. — Лёля, решив довериться подругам, бросила быстрый взгляд на дверь и понизила голос: — Только вам двоим расскажу, есть у батюшки моего сила страшная. Подвластны ему воспоминания тех, кто в родстве с ним состоит. Умеет он мысли неугодные забирать, память от них избавляя. И сколько раз он так с памятью моей поступал, я того не знаю. — Лёля посмотрела на приоткрытый ротик Благославы и сведённые к переносице брови Плеяны и закусила губы. — Не могу больше ничего сказать, простите, девочки, да только, если не сбегу из-под отцовской власти, потеряю важное что-то, что вчера только нашла. И Нянюшка пострадает незаслуженно. Я ей слово дала отыскать того, о ком сердце её кручинится, весточку о нём принести. А коли не выполню я слово своё, разве ж то поступок, Берегини достойный?

— Достойный, недостойный, ничего не понимаю, — затрясла головой Благослава. — Одно только вижу — странное что-то с тобой происходит, Лёлька. Будто морок на тебе какой.

— Я и сама понимаю, что нелепой вам кажусь, — не стала отпираться Лёля. — Только не под мороком я, а как раз наоборот, никогда ещё так уверена в правоте своей не была. Чтобы от силы Сварога скрыться, в Явь хочу бежать, да путь туда закрыт.

— Ох же! В Явь? Надумала, вот дурная! — вскрикнула Благослава с возмущением. — Здесь ты у батюшки, у матушки под крылышком, а в Яви тебе что делать? Опасно, Лёлька! Как добрый люд там живёт, так и злой, жестокий! Разум потеряла, коли одна в Явь собралась...

— Не кричи ты, Благослава, а то Ростислав заявится. Сама-то забыла уже, как прекрасна наша Явь родная? И хороших людей, Лёля, гораздо больше, чем плохих. Должна ты Явь увидеть, другая она, на Правь не похожая. Цвета, запахи, ощущения — там всё иное. — Нежной улыбкой озарилось лицо Плеяны. — Скучаю я по дождю, по снегу, но мой век в Яви уже закончился... А что, если не закрыты туда пути? Вдруг это лишь россказни? Кто знает, что там за зачарование на вратах? Возможно, оставил Сварог лазейку, Перун-громовержец ведь меж двумя мирами без препятствий ходит, а ты сестра его родная, — справедливо заметила она.

— Так то Перун, а то я. Нет во мне силы братца, мудрости матушки, власти отца. Не поддадутся мне врата, не признают дочь властителя, — опечалилась Лёля.

— Да хоть бы и не поддались! А то ишь что решила, из дома отеческого бежать! Только думается мне, если замысел свой смертоубийственный осуществить попробуешь, сама Правь тебя остановит, не позволит к вратам приблизиться. — Благослава всё ещё с неодобрением качала головой. — Побродишь-побродишь в попытках безрезультатных, да назад придёшь, пред батюшкой каяться. Может, тогда сердце твоё глупое и успокоится. А то вбила себе в голову — обещание дала, так выполнять надо.

— И то правда, — согласилась Плеяна, пожав плечами. — Что ты теряешь? Не найдёшь врат али не отопрутся они — вернёшься. Глядишь, Сварог твоего бегства и не заметит. Скажи лучше, о ком так Нянюшка кручинится и ради кого ты против отца пойти готова? Что за бог такой?

— Не могу я имя вам его назвать, под запретом оно в Прави. А так он... Он... — Лёля задумалась, как рассказать подругам про того, кого сама не знала. — Как я и сказывала уже, старый друг, с детства мы знакомы... Вместе выросли, считай, нянюшка нас обоих воспитывала да брата его. А сейчас, быть может, не друг он мне боле, чужак...

— Ой ли речь у нас тут о любви детской первой — чистой и наивной? — хитро прищурилась Благослава. — Расскажи, каков он? Красив али широтой души берёт? Высок али низок?

Признавайся, не таи тайны сердечные! Раз за парнем бежишь, так останавливать не буду. В Явь — так в Явь!

— Да ну тебя, Блага, не о том ты думаешь! Друг он мне, просто друг, я же сказала! — Лёля сделала вид, будто разозлилась, чтобы скрыть, как задели слова подруги какие-то глубокие струны в душе. Ведь и правда гадала она про себя, представляла, каким Догода с возрастом стать мог. — Раз помочь бежать мне решила, думай лучше, как Ростислава от двери убрать!

— Ой, этот без приказа батюшки с места не сдвинется. — Скривившись, Благослава наморщила курносый носик. — Как кремень стоит на страже, пугало огородное!

— Так ли и пугало? — улыбнулась Плеяна и облокотилась на стол, чтобы подпереть подбородок ладонью. — Статен, высок, волос вьётся... Многие девушки у нас в тереме по нему вздыхают, и лишь ты одна, как ёжик колючий, поддеть его стараешься.

— Да ну, неправда это... Сдался мне этот увалень... — Щёки Благославы полыхали, и, казалось, стул под ней огнём горит, так ёрзала она, место себе найти пытаясь. Но Благослава не была бы собой, если бы быстро не взяла себя в руки и не сменила русло беседы: — Мы тут, вообще-то, Лёлькиных ухажёров обсуждаем, к которым она на край света бежать собирается...

Несмотря на печальные думы, Лёля не сдержала смехок, так хорошо ей было с подругами. Даже мысль крамольная закралась: а не пустить ли эту бочку горящую под откос — помириться с отцом, покориться его воле, о Догode и Похвисте забыть, жить и дальше в блаженном беспамятстве, с подружками речи о пустяках бессмысленных вести, рассказы Нянюшки слушать?

Только Нянюшка ведь ничего не забудет, нет у неё такой привилегии. Простит она воспитанницу, конечно, простит за то, что не вспомнит Лёлю, с какой мольбой старая няня на неё смотрела, как плакала, вспоминая мальчиков своих потерянных. И Роду лишь ведомо, найдёт ли когда-то Лёля ещё раз платок окровавленный. Повторится ли история няни, пропитанная болью? Вмешается ли батюшка и снова память о Догode и Похвисте украдёт?

Ради Нянюшки, всех Лёлиных братьев и сестёр воспитавшей, должна она хотя бы попытаться Догodu отыскать, привести на поклон к той, кто ждёт его и любит. Ей бы только в Явь выбраться, а там она что-нибудь придумает. Перуна найдёт, брат поможет, одну не оставит, всё-таки семья... И Лёля поняла, как сможет сбежать из горницы, не потревожив Ростислава.

— Приведите братца Лёля под окошко моё, — низко склонившись над столом, заговорщически зашептала она подругам. — Только проследите, чтобы Полёль ничего не прознал, он батюшке доложит...

— А Лёль ради тебя на любую выходку согласится, ради сестрицы любимой, — зажглись пониманием глаза Плеяны, — не боится Сварога брат твой, лишь посмеётся, что супротив бога великого пойти задумала.

— На Лёля только надежда осталась, без него не обойтись. Скажите, девочки, что в беде сестрица его меньшая. Пусть придёт, вызволит меня, а что дальше будет — Род один знает.

Подруги ушли, а Лёля металась по комнате в поисках того, что могло ей понадобиться в путешествии в Явь. Сколько она пробудет без помощи? День? Два? Немного ей надобно всего на пару деньков. А там она братца-Перуна отыщет. Наверное... А если не отыщет? Правь мала, а велика ли Явь? Всё-таки людей, богов и духов вмещает. С другой стороны, уж хоть кто-то из них должен знать, как до Перуна достучаться.

А, что сделано, того не вернёшь! Лёля завернула остатки пирога в белую полотняную салфетку и положила в узелок к остальным своим малым пожиткам: зеркальце она с собой взяла, гребень, куколку обережную, яблоко, а больше ничего не придумала. Ну что придумать той, кто дальше леса запретного не заходила? Казалось Лёле, что сердце её сейчас грудь под рубахой разорвёт да наружу выскочит. И бежать в неизвестность страшно было, и в горнице остаться, воли отцовской дожидаться пугало не меньше.

— Эй, подружки дорогие, выходите плясать, хороводы водить! — услышала Лёля с улицы звонкий голос Плеяны. — Уж знатно потрудились мы сегодня, пора бы развеяться!

Лёля осторожно подошла к окну, стараясь, чтобы её не заметили. Вдруг лицо покрасневшее все помыслы выдаст?

А во дворе лёгкие и невесомые в своих белых платьях, словно бабочки-капустянки, сбежали с высоких ступеней Плеяна, Благослава и Негомила. Босые, они выбежали на траву у терема, взялись за руки и образовали маленький, но очень быстрый хоровод. Девушки кружились так, что их длинные волосы развевались на ветру, сливаясь в живописный узор красоты и грации. Лёля знала, что не стали бы подруги без неё забавляться, особенно когда Нянюшка любимая взаперти томится. Напускное это веселье, что-то хитрое они задумали.

Недолго кружились три прелестницы. Вот уже со смехом присоединились к их хороводу другие прислужницы Сварожьего терема, да и с соседних домов где по одной, где по две бежали на звуки веселья помощницы других богов. Вырвавшись из рук соседок, Плеяна вбежала в центр кружащихся и завела песнь:

Вьют над водой, вьют над водой,

Вьют над водой расстиляется.

Жених молодой, жених молодой,

Жених у ворот дожидается.

Хор девичьих голосов подхватил высокий голос Плеяны, хоровод закружился быстрее, а песня стала громче, мелодичнее, набирала силу, будто быстрая речка, что бежит с горки крутой.

Вынесли ему, вынесли ему,

Вынесли ему сундуки полны добра.

— Это не моё, ой, это не моё,

Это не моё, а деверя мово.

Песню пели десятки голосов, но Лёля чётко слышала только один. Тонкий, чистый. Знал ли хоть кто-то, кроме неё, что в тот момент не радовалась Плеяна, с лица которой не сходила задорная улыбка? Чувствовал ли хоть один бог, хоть один прислужник, что песнью этой Плеяна, за руку вовлекающая в круг всё больше и больше танцующих, любовь свою несбывшуюся оплакивала, оплакивала день заветный, который для неё так и не наступил.

Вывели ему, вывели ему,

Вывели ему ворона коня.

— Это не моё, ой, это не моё,

Это не моё, а деверя мово.

Лёля видела Дажьбога, остановившегося у ворот усадьбы, видела сестру свою Живу, стоящую на пороге под руку с мужем Велияром. Видела даже, как опустила сестра голову Велияру на плечо, очарованная свадебной песней, а её светлые волосы окутали их обоих мягким покрывалом. И тут, к счастью Лёли, различила она звук, который ждала, на который надеялась. Не могли главные музыканты Прави мимо поющих пройти, и две флейты добавили звенящие ноты к песне Плеяны.

Вывели ему, вывели ему,

Вывели ему свет Настасьишку.

— Это вот моё, ой, это вот моё,

Это вот моё, Родом суженное.

С приходом близнецов и их задорных дудочек песня будто бы преобразилась. Не зря Нянюшка говорила, что флейты братьев волшебные, будто с самим сердцем в унисон звучат. Молоды были братья Лёли, красивы оба, хоть и не похожи. Странно, единоутробные, а один всегда с улыбкой грустной и мечтательными глазами, а второй — жизнерадостный баловник. Лёле часто казалось, что они с Лёлем на самом деле двойняшками были, а Полёль на пару годков старше. До того сильно она саму себя в чертах брата Лёля и в характере его видела.

Вьюн над водой, вьюн над водой,

Вьюн над водой расстилается.

Гости у ворот, гости у ворот,

Гости у ворот собираются.

Плеяна заканчивала весёлую свадебную песню, Лёля слушала тоску, прорывающуюся сквозь каждую её ноту, и растерянно разглядывала свою семью, своих друзей, свой маленький мир, к которому привыкла. Правильно ли она делает, что бежать из него хочет? И ради кого — парня незнакомого? Но не унималось сердце её, будто рука его чья-то стискивала, дышать нормально не давала, давила на грудь. Неужто и правда Родово воспитание, как Плеяна сказала?

Закончилась песня, зычный мужской голос крикнул про ручеёк, и Лёля поняла, что сейчас продолжатся танцы. Руки тряслись, и чтобы успокоиться, Лёля схватила деревянную расчёску и принялась перед зеркалом причёсывать длинные белые волосы.

«Ух бледная, как кикимора. — Лёля ни разу в жизни кикимор не видела, но знала из рассказов няни, что живут они на дне речном, страшные, косматые, с глазами выпученными на пол-лица, вот как у неё сейчас, наверное. — Что ж ты делаешь, девка неразумная? На себя посмотри: маленькая, худая, ручки как тростинки. И с кем ты бороться собралась такая? Со Сварогом, отцом родным! Его все боги и люди боятся, а ты вызов бросила. А Догода... Не взглянет Догода в твою сторону. Мало ли что друзьями в детстве были. Жизнь ты ему сломала, не заступилась, когда из Прави его с братом выгнали, как котят приبلудных. Где теперь живёт он? Коли не найду, перед кем прощения вымаливать буду?»

В окно что-то коротко стукнуло. И ещё. И снова. Лёля обернулась на звук и в последний момент успела заметить камушек, отскочивший от стекла. Она кинулась к окну и увидела внизу своего брата, Лёля, с лучезарной улыбкой подкидывающего очередной маленький камень. Флейта музыканта была на поясе приторочена, кудри белые топорщились беззаботно, в глазах прищуренных лучилось лукавство. Рядом с Лёлем стояла Негомила, нервно оглядывающаяся через плечо. Во дворе всё ещё играла музыка, а значит, Полёль за братом не пошёл, девочки его танцами отвлекли, сделали так, как Лёля просила.

Она ухватилась за защёлку окна. Та поддалась со скрипом, провернулась, но оконные створки заело. Лёля отчаянно дёргала разошедшееся дерево, проклиная свои худосочные руки, не привычные к тяжёлой работе. Ходуном ходил старый ставень, но с места не сдвигался. И что теперь, замысел её оборвётся, потому что сил у неё нет окно в собственной комнате открыть? Не ровён час, Ростислав шум из комнаты услышит, благо сейчас пение и музыка хотя бы немного возню её громкую скрывали.

— Род Великий, да что же такое? — бормотала Лёля, сражаясь с древней створкой. Пальцы сводило от боли, а она всё не могла хорошо зацепиться, потянуть ставень на себя. — Али неправа я и не хочешь ты меня из Прави отпустить?

Лёль отбросил камень и смотрел на неё с недоумением, а несчастная Негомила, казалось, вот-вот разрыдается. Лёля сама чувствовала подступающие слёзы. Скоро хоровод разбежится, отец вернётся да сдержит своё обещание памяти её лишить. И тогда даже эту жалкую неудавшуюся попытку сбежать из дома отцовского, поступить по совести, саму себя сохранить не вспомнит она, если с окном строптивым не справится. А сил с ним сражаться и дальше Лёля найти уже не могла, до того пальцы изранила, будто иголок сотни в подушечки впились.

И неожиданно окно распахнулось. Быстро, одним движением, будто кто-то снаружи подсобил, будто бы Род молениям её внял. Лёля отпрянула, когда в комнату вторгся поток холодного ветра, заставив кожу пойти мурашками. День взаперти просидела, а уже забыла, какова вечерняя прохлада. Ободрила она Лёлю лучше свежей водицы. Раскрыв окно шире, Лёля скинула вниз свой узелок с припасами.

— Ты что, сестрица моя шаловливая, удумала? — Лёль вскинул бровь, поигрывая зажатой в пальцах дудочкой. — Чем так батьке напакостила, что запер он тебя?

— Да ерунда это всё, мелочи, — отмахнулась Лёля с широкой улыбкой. Не хотелось ей обманывать брата, но так для него самого лучше будет. — Роду Всемогущему молилась недостаточно усердно, вот батюшка меня и наказал. Знаешь ведь, что вспыхивает он, как лучина сухая, от любого слова супротив.

— Ну, нам ли не знать? — подмигнул ей Лёль. — Чай, сбежать хочешь, с подружками повеселиться? Вон наперсницы твои самую красивую прислали о помощи просить, а то играть им больно уж хочется, а без тебя радости нет.

— Пожалуйста, Лёль Добрый, уважьте просьбу мою и девочек. — Негомила опустила голову в поклоне, а Лёля удивилась, как у Плеяны хватило хитрости послать к Лёлю кроткую и трепетную Негомилу, отказать которой ни у кого совести не достало бы. — Грусть-тоска сдается без главной затейницы нашей.

— Вернусь я, братец, к ужину, не переживай за меня. — Лёля снова лгала брату и мысленно просила за это прощения. Но слишком независимы были Лёль и Полёль да и жили от Сварога-батюшки отдельно, так что гнев отцовский не сильно страшен им был. Лёля же в случае провала теряла гораздо больше. — Мы только до леса пробежимся, ножки разомнём и сразу же обратно.

— Сразу же, — поддакнула Негомила, не поднимая головы.

— Да мне-то что, — пожал плечами Лёль, — хоть вообще не возвращайся, жизнь твоя. И негоже её взаперти проводить.

Лёле вдруг подумалось, что в словах Лёля и во взгляде его с хитринкой скрывалось что-то большее, чем простое разрешение поиграть с подружками на окраине леса. Интересно, помнят ли братья, что случилось с Лёлей и сёстрами, или над их памятью Сварог тоже поколдовал?

— Ну что, готова? Юбки-то подбирай, сейчас прыгать будешь!

Негомила вскинула голову, а Лёля широко распахнула глаза от слов брата. Что делать? Куда прыгать? Её взгляд пересёкся со взглядом Негомилы, и в глазах подруги она прочла тот же вопрос. А Лёль поднёс дудочку к губам и заиграл. Он играл что-то тихое, мелодичное, не привлекая внимания танцующих, но Лёля слышала каждую ноту. И в душе что-то замирало, как тогда, когда Плеяна пела свадебную песнь. Точно так же влюблённо смеялась флейта, а порой будто плакала. Но даже когда плакала, несчастной не была. Отчего Лёля знала, что не страдала дудочка, хотя играла песню грустную, не смогла бы она на этот вопрос ответить, если бы кто спросил.

Лёля стряхнула гипнотическое наваждение, когда рядом зашевелились ветви раскидистого дуба. Словно серебристая дорожка протянулась к её окну, когда дубовая ветвь, пови-

нуясь звукам флейты, стала гибкой, как лоза. Дуб танцевал под песню флейты, песню смеха и слёз, а его ветви выстраивались в подобие лестницы. Не стала Лёля мешкать, дожидаться, пока остановят её Ростислав или батюшка, не вовремя в комнату вошедшие. Поднялась она на невысокий подоконник да выпрямилась во весь рост. Страх на неё нашёл, но только страх какой-то благостный. Казалось, только этот, самый первый шаг сделать нужно, а дальше всё в руках судьбы таится. Ветер, хоть и холодный, приятно шевелил волосы и будто под руки поддерживал. На удивление мелодично переплетались задорные звуки флейты Полёля вдалеке и нежная мелодия Лёля под её окном, будто братья и на расстоянии не прекращали играть вечным дуэтом.

Запретный лес проходил на горизонте серой лентой, звёзды горели крупными бусинами. Выбор Лёля сделала окончательно. Отныне сама она решать будет, что помнить ей, а что забыть. Ни одно воспоминание о жизни своей вечной, жизни бессмертной отцу не отдаст! И словно крылья выросли у Лёли за спиной, когда она шагнула на дубовую ветвь, ступив матерчатыми туфельками на шершавую кору.

Будто снова она в догонялки играла, но на сей раз не с подругами, а с батюшкой и силами его всемогущими. Только до кромки леса запретного проводила её Негомила, в обе щеки расцеловала и слова тёплые от Благославы и Плеяны передала. Сколько смогут, прикрывать они её будут, чтобы Сварог раньше времени погоню не выслал. И скучать станут, как по сестрице своей. Всплакнула Негомила на последних словах, а потом сорвалась и ланью шустрой к домам убежала, где танцы ещё не собирались заканчиваться. Лёля была уверена, это брат Лёль ради неё старается, растягивает время веселья.

Одна-одинёшенька Лёля вступила в запретный лес — тёмный, густой такой, что только частокол деревьев виден. Будто завесы из серебра скрывали, что там, впереди, на тропках нехоженных. Красив был лес, и дышалось в нём легче. Лёле думалось, что радуется ей лес, как знакомую старую встречает, беседы молчаливые ведёт, мысли, бегущие быстрым ручьём, успокаивает. И почему другие боги сюда ходить не рискуют? А то и жалуются, что ещё на подходе их сила неведомая останавливает.

Где-то здесь она в последний раз играла с Догодой. Где-то и куст тот смертоносный с шипами притаился. Хотела бы Лёля его отыскать, вдруг смогла бы частицу памяти своей урвать, но только где искать — она не знала. Да и времени не было. Сварог Великий в любой час мог за ней явиться, а Лёле ещё ничего, похожего на дверь во внешний мир, не встретилось.

Зато встретилась ей та, кого Лёля в лесу найти не ожидала. Из-за толстого ствола осины привычным неспешным шагом, потягивая каждую лапку, вышла её знакомая серая кошка. Лёля осторожно протянула пальцы и коснулась серебристой шёрстки. Чувство мягкости приглушило неприятное ощущение в пульсирующих подушечках пальцев, пострадавших в борьбе с оконными створками. Кошка требовательно мяукнула, уставившись на Лёлю голубыми глазами-звёздочками.

— Откуда ты здесь, дружок? — Лёля присела, чтобы удобнее было гладить тёплую, мурлыкающую на весь лес кошку. Кошка и так и этак кружила вокруг Лёли, подставляя для ласки то бочок, то ушко, то подбородочек узкий. — Голодная ты, верно? От пирожка с мясом не откажешься?

Лёля отломала кусочек от взятого из дома пирога и бережно положила на траву, а серая кошка с аппетитом накинулась на угощение. Должно быть, потерялась в лесу, несчастная животинка, вот и оголодала. Что же делать с ней, бедовой? Не бросать же на произвол судьбы. Придётся хотя бы до окраины леса отвести, а там уже на милость Рода передать — али отыщет дорогу домой по запаху, али к хате чьей-нибудь прибьётся.

Лёля печально вздохнула:

— Ну что, потерянная моя, пойдём хозяев твоих искать?

Она ещё раз напоследок погладила за ушком кошку, которая закончила трапезу и вытирала мордочку лапкой.

— А чего меня искать? Вот же я.

Голос, неожиданно прозвучавший посреди безлюдного леса, заставил Лёлю вздрогнуть. Она подняла голову и ахнула. Возвышался перед ней терем богатый, двухэтажный, с резными наличниками и крутой лестницей. Да только не было этого терема на опушке минуту назад. А на лестнице терема стояла женщина красы такой, что дар речи у Лёли напрочь отнялся.

— Так вот к кому кошка моя из лесу бегала, — насмешливо фыркнула незнакомая красавица, рассматривая Лёлю сверху вниз. — Акси́нья умная, лиходею не доверится. Ну что, проходи внутрь, коли пришла. Али опасаясь гостьей самой Мокоши стать?

Глава 4

— Неужели речь потеряла? Не думала я, что дочь Сварога цыплёнком трусливым окажется. — Мокошь пренебрежительно фыркнула и дёрнула губой. — Акси́нья, царапни её, что ли, разок, пусть в чувство придёт.

— И вовсе я вас не испугалась, — проглотив комок страха, ответила Лёля и поднялась с колен. Вопреки наказу хозяйки, серая кошка царапаться не стала, а плотнее прижалась к ногам Лёли и потёрлась пушистым ушком о её платье. — Удивилась я. Только что в лесу сидела, кошку гладила... А тут... Терем вдруг из ниоткуда! И вы...

Лёля понимала, как глупо звучат её слова, но во все глаза разглядывала дорогой, богато украшенный дом. Не было его на поляне раньше, да и поляны не было! Один лес кругом. И вдруг, как по мановению руки Родовой, всё переменялось. Вместо подлеска густого дорожка, камнем мелким выложенная, и ведёт она к лестнице высокой, добротной, с крепкими перилами. На окошках занавески тонкого плетения, балкон деревянные колонны подпирают, выполненные работой умелой. Не соврала бы Лёля, если сказала, что дом этот лесной её собственному дому по красе не уступает. И как таилось богатство такое в чащобе, как не наткнулась она на него во время прогулок по лесу запретному?

— Нравится? — с гордостью спросила Мокошь, оборачиваясь к терему. — И мне нравится. Не понять то брату моему, как приятно в теле живом жить, вещами красивыми себя окружая. Сколько раз уговаривала его в Правь спуститься, ощутить как благо, когда трава ног босых касается, но упрямится он, не нужна ему плоть. Среди звёзд вольготнее духом свободным носиться.

— Ой, а брат ваш... — Лёля прижала ладонь к щеке, с ужасом вспоминая, чему учил её отец, — никак Род Великий?

— А кто же ещё? — повела тонкой бровью Мокошь. — Он самый и есть.

«Погибла я... — подумала Лёля, обессиленно опуская плечи и утыкаясь взглядом в камни дорожки. — Мокошь — Рода Великого сестра. Жизни и смерти повелительница. И что мне в доме батюшки не сиделось? Одну из трёх величайших богов потревожила».

— Глянь, Акси́нья, дрожит, как зайчонок новорождённый, подружка твоя. Ну, чего пригорюнилась-то?

Лёля боялась поднять голову, смотреть на Мокошь казалось ей кошунством, однако голос высшей богини звучал дружелюбно. Рискнув, Лёля бросила быстрый взгляд из-под упавших на лицо волос. Неужто Мокошь улыбается? Она снова уставилась в землю. Да нет, показалось, быть такого не могло.

— Эх, ребёнок, не стой передо мной, голову к долу опустив, непривычно мне. Ты б ещё на колени упала. — Рядом мягко зашуршала ткань, в поле зрения Лёли мелькнуло что-то тёмное, а затем её плеча коснулась осторожная рука. — Никто ещё передо мной головы не склонял. Не та я богиня, что молитвам чужим внемлет. Сама знаешь поговорку: «Мокошь просить о чём-то, как гору двигать».

— Простите, Мокошь Великая, что без спроса я к дому вашему пришла. — Лёля с опаской выпрямилась и залюбовалась совершенным, без единого изъяна лицом возвышающейся над ней Мокоши.

Неспроста Мокошь с горой сравнивали, она казалась высеченной из отполированного мрамора. Сама высокая, талия тонкая, а грудь полная, украшенная рядами жемчугов и самоцветов. Кожа гладкая, скулы острые. А глаза пронзительные, умные. Ещё бы, вековая мудрость в них заключена была.

— Может, это я сама пред тобой открылась, не думала ты о том? Редко у меня гости бывают, и не по моей это воле, — печально усмехнулась Мокошь. — Никто не хочет встре-

чаться с той, кому Родом золотые ножницы судьбы доверены. Авось нить их жизни перережу. — Она криво улыбнулась. — Ты ведь тоже меня боишься?

— Уже не так сильно, — призналась Лёля, всё ещё стесняясь смотреть в мудрые серые глаза напротив. — Злой вы не кажетесь. Даже чем-то на матушку мою похожи.

— Вот тут желаемое за действительное не выдавай. Лада добра и к помощи людям явским охоча, мне же они интересны лишь как часть Древа Мироздания. Не поверишь, насколько занимательно иногда их судьбы складываются.

Кивком Мокошь указала на отворенную дверь и без лишних слов двинулась к лестнице.

Серая кошка лениво последовала за хозяйкой, но на первой ступени остановилась и села, грациозно обвив себя хвостом. Мокошь же поднималась, обметая лестницу подолом длинного платья, но у самой двери обернулась:

— Чего замерла, суслик потревоженный? Не видишь, Аксиныя ждёт, да и мне поговорить с тобой надобно. Ох, брат, до чего же Берегиня у тебя недогадливая, — закатила глаза Мокошь и пожаловалась в пустоту, а затем скрылась, оставив дверной проход зиять интригующей темнотой.

«Ой, да что ж это я, право, Мокошь ждать заставляю. — Лёля подхватила юбку и бегом припустила за ушедшей богиней. — Чудной день какой: из дома отчего вырвалась и вот где оказалась».

Лёлю снедали два чувства — страх и любопытство. Боязно ей было, что доверилась богине незнакомой вместо того, чтобы по замыслу своему действовать. И любопытно: откуда Мокоши про неё ведомо, о чём она поговорить желает? И если откровенно, успокаивало Лёлю присутствие Аксины — не стала бы кошка у плохой хозяйки жить. Хотя кто их знает, колдовские они животные.

Она вбежала в дверь и едва успела затормозить, чтобы не врезаться в величавую фигуру Мокоши. Как оказалось, высшая богиня ждала Лёлю за порогом, и бровь её укоризненно поползла вверх от такого поведения гостьи. Лёля открыла было рот, чтобы в очередной раз извиниться, но от удивления и полслова не смогла вымолвить.

Таких чудес она в жизнь не видала! Терем-то с загадкой оказался! Он и снаружи выглядел просторным, а внутри так конца-краю ему не было. И стены, и пол, и даже потолок покрывали нити! Звёзд на небе меньше, чем нитей у Мокоши в доме! Разных цветов, толщины разной, в покое они не находились. Бежали нити живые, петляли, извивались, с другими переплетались да снова расходились, чтобы в конце остановиться на веретене.

Держала веретено в руках юная девушка, с румянцем нежным, точно липов цвет, на детских щёчках. Платье белое с золотой вышивкой, в тёмных русых волосах цветы серебряные вплетены. Быстро бегали неутомимые пальцы, толстые нити ровно ложились на гладкое дерево веретена, будто бесконечный ковёр пред этой умелой девушкой расстился. А она восседала на мягкой лавочке и даже глазом не повела на незваную посетительницу.

— Это Доля, помощница моя, Родом пожалованная, — взмахом головы указала на девушку Мокошь. — Судьбы человеческие прядёт да на веретено своё сматывает. Коли много сматает, берёт ножницы золотые и нити перерезает, новым судьбам место освобождая.

— Вот так и перерезает? Ни за что ни про что? И что тогда, умирает человек? — ужаснулась Лёля, не отводя глаз от веретена Доли. Хоть и много нитей помощница Мокоши на него намотала, а работала легко, споро, будто весило это веретено всего ничего.

— Это жизнь. — Мокошь безразлично пожалла плечами. — Род пожаловал, Род и забрал, когда срок пришёл. Поверь, многие хотели бы на веретене у Доли оказаться. Она судьбу хорошую плетёт, добрую. Но есть и те, кому от рождения Недоля уготована.

Тогда только заметила Лёля в углу на лавке покосившейся сгорбленную старушку в сером тряпье. Тёмен тот угол был, Лёля могла разглядеть лишь космы седых волос, выбивающихся из-под грязного платка, и то, как плечи старушки дрожали. И руки дрожали, крутившие старое

щербатое веретено. Блеснул свет звёздный в окошко, на лицо морщинистое упал, и поняла Лёля, что старушка плачет. Тихо, непрерывно плачет. Слезами оmyвает тонкие блёклые нити, будто бы нехотя идущие к её веретену. Нити цеплялись за острые края покорёженного веретена, пушились, истончались, но не обрывались до конца, продолжая путь в ожидании часа, когда милосердные ножницы Мокоши прервут их существование.

«Род Великий, спаси и сохрани тех, кому Недоля по судьбе выпала, — мысленно взмолилась Лёля, глядя, как проплывает мимо неё ручеек несчастных нитей, за каждой из которых стояла чья-то жизнь. — Дня не пройдет теперь, чтобы не просила я тебя хотя бы о мгновении счастья для тех, кому страдать суждено».

И всё же, к радости Лёли, у Недоли было гораздо меньше работы, чем у юной красавицы Доли. К Доле будто река полноводная текла, а у Недоли так, родник среди лесной чащи. Молчала Лёля, не решаясь вопросы задавать в этом необыкновенном доме. И помыслить она не могла до встречи с Мокошью, что мир под Правью так велик.

— А здесь только людские нити? — наконец несмело спросила она, не отрывая взгляда от бесконечного движения вокруг.

— Не только. У и богов, и у духов свои нити имеются. Только чтобы их разглядеть, сновка нужна. — Наклонилась Мокошь и подхватила из бегущего потока что-то, похожее на тонкую паутинку. — Вот смотри, — показала она тончайшую нить Лёле, — где-то в Яви Полудница живёт, полей обработанных хранительница. Её люди привечают, крынку воды да хлеба ломоть на поле оставляют, чтобы и дальше урожай оберегала, чтобы солнце зерно не сожгло, да дожди не побили. Хотя о чём это я, не знаешь, поди, что солнце и дождь такое?

Лёля замотала головой, с интересом разглядывая полупрозрачную нить, клубящуюся в пальцах Мокоши. Возможно, то воображение Лёлино разыгралось, но будто запах чего-то травяного, терпкого, как полынь, от нити той она почувствовала. Вот же диво какое! Сколько в Яви всего необычного! Не зря говорила Плеяна, что мир там совсем другой.

— Покажу тебе нить Ярило-бога. Каждое утро начинает он путь свой на колеснице небесной и каждый вечер к земле на покой опускается. Радость людям несёт, свет, тепло, но и смерть порой. — Мокошь прищурилась, и на поверхности нитей тут же показалась нить, точно из золота расплавленного свитая. — А вот и он, тот, кого в Яви солнцем кличут.

— Красота-то какая! — не удержалась Лёля и коснулась яркой нити. Пальцы согрелись небывалым теплом. — А цвет удивительный! Как золото, только светлее, горячее будто бы!

— Быть может, смогла бы ты Явь полюбить, коль оказалась бы там, — таинственно и мягко улыбнулась Мокошь, передавая Лёле пылающую нить. — Сдаётся мне, именно ты Яви поможешь, зайчонок трусливый. Непорядки там происходят, не нравится мне то. Пойдём в горнице моей потолкуем, да и поработать мне пора.

Мокошь отбросила с плеча длинные волосы, и, словно повинуюсь её непроизнесённому приказу, волшебные нити судеб расступились, открыв узкую дорожку к лесенке на второй этаж. Лёля с трепетом, боясь случайно дёрнуть и разорвать, опустила на пол ярко-золотую тоненькую нить, что ей доверила Мокошь, подобрала подол повыше и медленно пошла следом за новой знакомой. И жутко было в доме Мокоши, особенно когда нити её змеились над головой, струились по потолку так же свободно, как и по полу, а звук безостановочного шуршания стоял в ушах, но и уюта хоромам богини было не занимать.

Пол, от нитей освобождённый, блестел тёмным деревом, из окон серебряный лес виднелся и небо звёздное. Лестница, по которой Лёля поднималась за Мокошью, не скрипела, изгибалась винтом. И отчего-то казалось Лёле, что если надумает батюшка её отыскать, в тереме Мокоши не сыщёт. Не каждого Мокошь в обитель свою приглашала, да и, как сестра Родова, по званию выше Сварога была. Видно, не имела верховная богиня намерения Лёлю обратно в дом отчий отправлять и нравоучениями мучить. Интересно, что за разговор Мокошь надумала?

— Знаешь, хоть и не молится мне род людской, да за жизнью я их наблюдаю. Более того, я им жизнь и даю. — С этими словами Мокошь несколько раз прокрутила колесо огромного ткацкого станка, стоящего у стены её светлой, красиво убранной комнаты.

Сотни новых нитей вырвались из-под спиц колеса и устремились вниз по лестнице, слившись со своими предшественницами, спешащими к веретёнам Доли и Недоли. Лёля почтиительно отошла, чтобы, убереги её Род, не оскорбить кого, на нитку судьбы наступив.

— Я вижу всё, что в Яви происходит, — продолжала Мокошь, неторопливо поворачивая колесо, рождающее новые и новые нити. — Я знаю, как Скипер-Змей с твоей помощью на Явь напал, многих взмахов ножниц мне раздолье ваше стоило... Не смущайся так, говорю как есть. Под заклятьем ты была, потому и не корю.

— До недавнего момента я и сама о том не знала, — стыдливо ответила Лёля и перевела взгляд на подрагивающие огоньки свечей в деревянном подсвечнике. Когда-то таким же пламенем прошла она по жизням чужим. — Это странно, винить себя в том, чего вспомнить не могу? Винить отца за то, что из нас троих оставил память только Морене?

— Не скажу, что отца твоего не понимаю. Зачем истязать себя мыслями о том, что изменить не дано? Но раз уж прознала ты про старые проступки свои и сестёр, хочу о помощи тебя просить.

— О помощи? Да чем же я вам, Мокоши Великой, помочь смогу? — Лёля удивилась неожиданной просьбе. И ещё больше её удивило осознание того, что ей очень хочется быть полезной этой прекрасной, благородной богине.

— Смертей в Яви стало больше, чем того положено. Боги на Древе Мироздания не просто так рождаются — каждому Родом своя забота определена, даже тёмным богам Нави. Благодаря этому круговорот жизни на Древе происходит. Но нарушилось что-то в равновесии сил высших. Союз между Правью и Навью на честном слове держится, Явь давно уже сама по себе живёт. Присядь. — Мокошь опустилась на резной деревянный стул у ткацкого станка, а Лёле указала на лавку рядом. — Слышала я, путь в мир людей ты ищешь. Зачем?

— Ну... — Лёля села на лавочку, сжала в пальцах ткань белой юбки, выдохнула. Думала глаза опустить, чувства спрятать, но не решилась. Храбрость свою собрала, да прямо перед собой глянула. — Я и сама не понимаю. Сначала хотела я бога одного явьского повидать, хотела батюшке доказать, что и без него прожить могу, а теперь... После того что увидела я в хоромашах ваших, жуть как мне не терпится на мир другой хоть глазком одним взглянуть! Узнать, каково это, когда над головой не только звёзды, ощутить, что такое дождь, может быть, Полудницу встретить, ту самую, нить которой паутинке подобна... Я будто не в полную силу жила до того, как Нянюшка тайны о прошлом моём открыла. А как с вами встретилась, так и вовсе мне кажется, что раньше я сон смотрела, а теперь проснуться готова, — закончила Лёля.

— Коли сон это был, так хороший. — Мокошь нежно улыбнулась, а глаза её теплее стали, ласковее. — Что делать будешь, если Явь не такой окажется, какой ты её представляешь? И боль тебе там встретиться может, и обман. Как, впрочем, и счастье великое. В этом и прелесть Яви — всё пережитое на контрасте ярче проявляется, нежели здесь, в Прави, где тишь и благодать.

— Вы уж меня простите, но такими мудрёными словами говорите, что запуталась я. Боль, обман, счастье великое — неведомо это мне. — Лёля всё-таки смутилась.

А Мокошь вдруг рассмеялась:

— Забавная, брат, Берегиня у тебя. — И снова возвела она глаза куда-то к потолку терема. — Дитя сущее. Послушай меня, дитя, — теперь Мокошь смотрела на Лёлю, — сделаю я то, что ты хочешь, врата в Явь для тебя открою. Постой, не всё я сказала, — опередила она Лёлю, готовую рассыпаться в благодарностях, — взамен пообещай мне по зову сердца поступать и, как бы трудно ни было, с пути выбранного не сворачивать.

— Так и не собиралась я, — Лёля удивилась данному ей наказу. — Я же ненадолго в Явь. Только Догоду найду, прощение выпрошу и обратно в Правь вернусь. Больше нечего мне в Яви делать — нет у меня там друзей, нет знакомых.

— Хм... — хитро прищурилась Мокошь, а огоньки свечи рядом с ней затрепетали, то ли сквозняком потревоженные, то ли дыханием строгой красавицы. — Неправа ты, есть у тебя в Яви друг. А другие в дороге долгой сыщутся.

— Опять путаете вы меня, загадками говорите. Все подружки мои в Правь остались, — опечалилась Лёля.

— Ну-ну, губки-то не надувай. Морщины появятся, на Недолю похожа станешь.

Лёле казалось, что Мокошь подначивает её, потешается, глядя на переживания богини меньшей, неопытной. И тем не менее обиды Лёля отчего-то не ощущала. Наоборот, верила, что Мокошь не случайно в дом свой её пригласила, а сейчас на крепость проверяет. И решила Лёля, что, раз попросила Мокошь её с пути не сворачивать, так она сейчас и начнёт.

— Мокошь Великая, известно вам, где Догода, бог ветра южного, живёт? — без обиняков спросила она, поразившись уверенности в собственном голосе.

— Догода? Жив он, и это всё, что сказать могу. Даже то, как выглядит, не знаю. Я в Яви уже пару столетий не показывалась. — Мокошь снова повернула гигантское колесо судьбы. — Мне отсюда, с кроны Древа Мироздания, наблюдать за ней сподручнее. Да и за богами следить интерес малый. — Мокошь задумчиво повела плечами. — Жизнь у них больно долгая и скучная. Люди гораздо увлекательнее.

— Ну хоть жив, — обрадовалась Лёля, представляя, как скоро сможет снова познакомиться с давним другом.

— Кстати, про это. Важную вещь тебе скажу, послушай внимательно. Боги смертны, как и люди. — Мокошь потянулась к шее и сняла тонкую цепочку с монеткой из серебра: овальной, с дырочкой в центре. — Разница в том, что люди навсегда в Навь уходят, а боги к Роду поднимаются, чтобы через тысячу лет переродиться. Да, боюсь, ребёнок, не по нраву тебе будет в пустоте, коли жизнь ты так любишь.

Лёля оцепенела, когда Мокошь надела амулет ей на шею. Прикосновение Мокоши было по-матерински заботливым, а пахло от неё луговыми цветами. И почему боги Родову сестру сторонились? А ещё никогда раньше Лёля украшений не носила и невольно залюбовалась тем, как блестит серебряная монетка поверх белого платья. Увидела бы Благослава, уж точно выпросила бы поносить.

Лёля всё ещё разглядывала подарок, когда Мокошь продолжила:

— Если почувствуешь, что смерть близка, монеткой этой откупиться сможешь. Но только один раз, посему используй дар мой с умом и при себе держи. Потеряешь, второй у меня нет.

Лёля оторвалась от созерцания волшебной монетки и молча посмотрела на добрую наставницу, недоумевая, чем заслужила такую заботу. Мокошь столько о жизни в Яви ей рассказала, сколько она в доме своём и за сотню лет не узнала бы. И отговаривать от бегства не стала, хоть и предупредила, что не пухом и роз бутонами путь её устлан будет. И, главное, имя Догоды Мокошь произнесла спокойно, точно и не было проклято оно в Правь.

— Обычно после дорогих подарков слова благодарности звучат, но привыкла я уже, что ты немеешь, как зверёк дикий. — На лице Мокоши вновь появилась дружелюбная ухмылка. — Второй же мой дар...

Мокошь щёлкнула пальцами, и откуда-то из недр нитяных прыгнул ей на ладонь маленький клубочек. Лёля резко воздух втянула, цвет его увидав. Такой же, как на платке Нянюшкином, цвет крови! Цвет, которого в Правь не существовало!

— Что это, Мокошь Великая, откуда нить такая у вас? — забормотала она, разглядывая диковинный клубок в руках богини.

— А, это нить судьбы твоей. — Мокошь выглядела так, словно искренне наслаждалась Лёлиной растерянностью. — В Явь попадёшь, поймёшь, отчего цвет у неё такой. Правь — пятно безликое по сравнению с многоцветьем Яви. Много открытий тебя ждёт, я даже завидую.

— Может, и вы со мной в Явь спуститесь? Я вам помогать буду, честно-честно. А то одной мне боязно как-то. Да и как врата отворить? Я ж без батюшкиного благословения бежала...

— А что мне батюшка твой? Силён он, да не сильнее Мокоши. Но не меня, милый зайчонок, путь-дорога зовёт. — С грустью в глазах Мокошь провела костяшками пальцев по Лёлиной щеке так, как иногда это делала Нянюшка. — Ты не бойся, два дара моих тебя выручат. И мы с тобой свидимся ещё. А пока, как спустишься с крыльца, брось клубок наземь и за ним ступай. Он тебя напрямик к вратам и выведет. На вас моё благословение, отворятся они. — Лёля нахмурилась и переспросить хотела, уточнить, почему Мокошь сказала «вас», но верховная богиня уже поднялась на ноги: — Пошли же, долгие проводы — лишние слёзы.

Быстрыми шагами Мокошь поспешила к лестнице, а Лёля торопливо побежала следом, перед этим спрятав драгоценную монетку под ворот платья и крепко сжав в кулаке подаренный клубочек.

— А там, за вратами... — Лёля сбивалась с дыхания, стараясь не задеть нити с ткацкого станка и поспеть за Мокошью, которая двигалась плавно, точно плыла над полом. — Куда потом следовать?

— Куда сердце велит, — не оборачиваясь, ответила Мокошь. — Явь велика, неожиданно не кончится. Спеши, отец твой прознал, что нет тебя, ощущая гнев его. Лес Сварога не пропустит, кругами водить будет, но я ссориться с ним не хочу. Общее дело у нас — Правь защищать.

Лёля много чего могла бы спросить, но чувствовала, что Мокошь на разговоры не настроена. Да ей и самой казалось, что напряжён лес, не беззаботен, как раньше. Птичьи трели замолкли, небо потемнело, будто вуалью полупрозрачной его заволокло. Деревья стояли ровненько, точно солдаты с пиками, а не играли под ветром, как обычно.

— Беги, быстроногий оленёнок, пока Сварог лес мой не потревожил. Ничего не бойся, просто верь. В Рода верь, в меня, сестру его, в Велеса, брата нашего третьего. — Мокошь остановилась на нижней ступени лестницы и, притянув Лёлю к себе, крепко обняла. — Беги, пока не пострадали вы оба. Ну же!

Мощный порыв холодного ветра оторвал Лёлю от Мокоши, длинные светлые волосы богини взметнулись, серые глаза властно сверкнули с красивого лица. Резким движением Мокошь вложила Лёле в руки её узелок с припасами. От неожиданности Лёля выронила заветный клубок, и он тут же устремился вдаль, сначала по тропинке каменной, затем едва видной яркой линией среди высокой травы, а после пропал меж деревьями.

Лёля бросилась по следу ускользящей нити, но на конце тропы остановилась и обернулась.

— Спасибо вам, Мокошь Великая! От всего сердца спасибо! — Лёля отвесила покровительнице глубокий поклон. — Я когда-нибудь вернусь, снова гостьей вашей буду. По собственной воле вернусь.

Что-то ответила ей Мокошь, шевельнулись губы богини всевидящей, но Лёля не услышала ответ, заглушённый очередным порывом ветра. Ледяной ветер прошёл сквозь одежду и толкнул Лёлю в сторону чащи. И она побежала.

Петлял клубок среди кустарника, но с глаз не пропадал. Диво, конечно, где это писано, чтобы нитей клубочек жизнью своей жил, но Лёля столько чудес уже повидала, что ничему не удивлялась. Одной рукой прижимала она на бегу к груди узелок с пожитками, второй — юбку придерживала. Как-то раз обернулась Лёля, но терема богатого среди деревьев не увидела. То ли исчез он, заслонённый густым лесом, то ли скрыла Мокошь пристанище своё от глаз непосвящённых.

Наверное, и с проходом в Явь так же, подумалось Лёле. Найти его лишь тому можно, кем не праздно любопытство движет, а кто на самом деле полон решимости между мирами пройти. И значит это, что она врата непременно отыщет. Жалела Лёля только о том, что напоследок не склонилась пред Царь-Древом, помощи Рода в деле своём не испросила. После знакомства с Мокошью будто бы ближе стал к ней Бог-Творец.

За думами она и не заметила, как деревья расступились. Только рядом всё в серебре было — и вдруг поляна. Нет, даже полянка небольшая. Как раз такая, чтобы дверь в мир иной уместить. Лёля остановилась и обмерла. Будто веником еловым обдало её от макушки до пят. Врата. Те самые, сомнений и быть не могло.

Клубочек, из судьбы Лёлиной смотанный, в нить превратился, одну-единственную, и путь он указывал между створок приоткрытых, кованых и узорчатых, точно чёрное кружево. Лёля несмело сделала два шага и запрокинула голову. Род Всемогуший, до чего же высоки врата в Явь! Кажется, росточков её четыре, а то и пять! Колонны из тёмного камня по обеим сторонам от створок выглядели древними, словно само Древо Мироздания. Рисунки на них были выбиты али письмена, не догадалась Лёля. Что бы за знания врата ни таили, кто бы их ни записал, того уж в Прави не было. Лёле хотелось погладить пушистый серый мох в трещинах, почувствовать, как под пальцами ощущается время, что даже её батюшки старше. Но духа не хватило.

Удивительно, только стен врата не имели. Просто проём, пугающий своей величиной. А за ним что-то, чего Лёля словами знакомыми описать не смогла бы. Что-то, очень похожее на золото, только гораздо, гораздо светлее. Может, то оно и есть, солнце земное? Где-то там, в этой дымке злато-белой, убегали вниз ступени, такие же каменные и древние, как колонны, что держали врата.

Лёля повернулась к запретному лесу. Желала она в Яви побывать, и вот мечта её почти исполнилась, а страхи не сбылись — врата даже не закрыты. Или являлись они каждому в разном обличье? Кому распахнутые гостеприимно, а кому и на три замка запертые? Ну да какое ей теперь дело, коли добралась она до цели?

«Прощайте, древа с листвою хрустальной. Прощайте, звёзды, душ богов нерождённых хранители. Прощай, Царь-Древо. Прощайте, подружки мои ласковые. Прощайте, матушка, батюшка, Жива, Лёль, Полёль. Зла не держите на дочь и сестру вашу, желающую по зову сердца идти. И жди меня, Нянюшка. Я вернусь. С Догодой вернусь али вестью от него. Жди меня, Правь родная. Я только мир посмотрю — и вернусь».

Лёля ощутила, как по щеке течёт слеза, словно в последний раз уговаривая остаться. Она быстро утёрлась рукавом и проскользнула меж высоких створок.

Глава 5

Это было слишком ярко! Нестерпимо! Глаза точно напрочь выжигало! Лёля не могла отнять ладоней от лица. Спрятавшись внутри собственных ладошек, она пыталась отдышаться, но выходило плохо. Как много новых чувств! Почему ей одновременно и тепло, и холодно? Почему свет, проникающий сквозь пальцы, то ярче, то темнее становится?

Лёля шагнула назад, ожидая, что упрётся спиной в гладь кованых ворот, но за ней ничего не было. Только по ногам мазнуло что-то. Напугалась Лёля: так и упасть недолго, а падать в мире чужом, незнакомом не очень-то ей и хотелось. Особенно вслепую. Она чуть приоткрыла сложенные ладони и, прищурившись, взглянула в образовавшуюся щель.

Оказывается, запретный лес никуда не делся, но он ли это был? Не ожидала Лёля, что Явь так зелена! Не сравнить тот зелёный, что окружал её, с цветом холодных изумрудов матушки Лады. Оттенков зелени здесь, в Яви, было столько, что и не счесть! Трава зелёная, каждый лист на деревьях краски своей, а ещё и подлесок густой, где и кусты, и цветы разных тонов были, с другими не сливались!

А небо? Лёля уже привыкла к ослепляющему многоцветью настолько, чтобы из-под ладони над собой взглянуть. Ни одной звезды, привычной ей, из Яви не видно! Неужто твердь цвета нежного, что виднеется в просветах листвы, Правь от Яви отделяет? И белым чем-то она затянута, то ли покрывалом каким, то ли периной. А на перине той, гляди ж, возлегает мучитель глаз её несчастных! Шар яркий такой, что нельзя и взглянуть на него, чтобы через секунду взор не отвести. Так это и есть Ярило-солнце? Видно, великий бог он в Яви, раз даже рассмотреть себя не позволяет!

Спохватившись, Лёля обернулась. Так и есть, пропали ворота! И клубочек, дар Мокоши, исчез. А что, если... Лёля быстро залезла за воротник и с облегчением ухватила за монетку, висящую на шее оберегом. На месте монета, точно напоминание, зачем Лёля в Яви оказалась. Теперь надо и обещания держать. Для Нянюшки — Догоду вернуть, для Мокоши — узнать, отчего народ в Яви страдает. А что делать, с чего начать?

Даже в какую сторону идти, и того Лёля не знала. Одни деревья кругом. Лёля коснулась пальцами ближайшего ствола — такой же шершавый, тёплый, как и в царстве богов, цвет только другой, более тёмный. Наверное, всё-таки похожи два мира, решила Лёля. Иначе Нянюшка и подружки Лёлины не чувствовали бы себя как дома в Правии, едва только там оказавшись. И даже в Правии любая дорога с первого шага начинается. Значит, и в Яви нечего на месте стоять.

Понуднее перехватив узелок, Лёля отправилась в путь в прямом смысле «туда, куда глаза глядят». Она не спеша шагала, останавливаясь у каждого заинтересовавшего её цветка или колоска. И везде она узнавала привычные ей образы. Всё то же, что и в Правии, менялся лишь цвет. Должно быть, заслуга Ярило-солнца, другой причины Лёля не видела. Волшебным образом расцветивал он то, что в Правии казалось полупрозрачным, серебряным или серым. Но и то и другое прекрасным было.

А звуки в Яви отличались. Звонче, громче, точно хор существ живых лесу пел, не смолкая. Другую он вёл песнь, не ту спокойную, нежную, какую поют птицы в Правии. Здесь стрекотали насекомые, птички чирикали на все лады, ветер среди листвы шумел, и весело на душе делалось от песни той. Должно быть, оттого так казалось, что в Правии умереть нельзя, а здесь, в обители смертных, ликовало всё, воспевая каждый прожитый миг.

И вот Лёля хоть и богиня бессмертная, а тоже улыбнулась, заразившись жаждой жизни. Она подставляла лицо ветру, вдыхала запах зелени, ягод, земли. Отчего-то в Яви холоднее было, чем в Правии, редкие дуновения ветра заставляли кожу Лёлину покрываться мурашками, но солнце грело достаточно сильно, и она не мёрзла. Да у неё всё равно другой смены одежды

не было. Только платье, что на ней, простое, белое, зато из тканей правьских сшитое, потому холод её и не пугал.

Не знала Лёля, сколько шла она, наслаждаясь дорогой, но лес стал реже, а вскоре обернулся лугом. Широким, до самого горизонта заполненным золотистыми колосьями. И здесь Лёлю первая неожиданность поджидала. Пшеницу она и в Прави видела, да только там наливная пшеница была, зёрнышко к зёрнышку, каждый колос, что коса девицы молодой, а здесь, в Яви, к небу головы колосья поднимали, а вовсе не к земле тяготели, как если бы были зерна полны. Чахлые, сырые, к солнышку тянулись да под ветрами холодными покачивались.

Лёлины ладони тоже начали подмерзать. В лесу деревья защиту давали, а в поле пшеничном трепали её порывы ветра, будто и она колоском тонким была. И радостно стало Лёле, когда заметила она на краю поля деревеньку. Наконец-то людей встретит, про брата Перуна узнает!

Деревня оказалась небольшой, с десятка три домов. Шла Лёля по главной улице и глядела на всё, на что только взгляд её падал. И здесь цветов многообразие такое было, что она лишь диву давалась. Особенно поразили её вышивки на одежде людской. Яркими казались они, праздничными, в сравнении с тонким серебряным плетением на её собственном платье. Видно, нити цвета крови и цвета неба в Яви не редкость. Вот бы и ей сарафан такой с узорами по низу юбки надеть да в хоровод выйти! Вот бы подружки обзавидовались! И во дворе почти каждого деревенского дома бельё, зачем-то развешенное на растянутых верёвках, ветер колыхал, да, похоже, совсем его с верёвок сдуть силы у него не хватало.

Мимо Лёли промчалась ватага ребятишек с криками и визгами: «Волк, волк!» А следом пробежал мальчик с рыканием, должно быть того самого волка изображающий. Лёля обернулась им вслед. Дети... Мальчишки чумазые, девочки с растрёпанными косами. Лёля так редко видела детей. Только племянников своих, сыновей Живы, да и те предпочитали учения деда Сварога слушать, к служению божественному готовиться, а не по улицам носиться бездумно. Кто знает, может, она и сама такой же стала бы, детство за книгами провела, не окажись в жизни её Похвиста и Догоды. Как жаль, что лишь по рассказам няни знает она о детстве своём! Удастся ли ей отыскать братьев в этом мире удивительном? Вспомнят ли они, как неразлучными друзьями были когда-то?

— Эй, краса-девица, ты чё тут бродишь?

Лёля повернулась на звук голоса. Её окликнул пожилой мужчина, сидящий на лавке у покосившегося домишки. Чёрен был дом, стены крапивой заросли, окно одно трещинами шло. Бельмом неприглядным выделялся дом тот на фоне других добротных деревенских домов. Мужчина сплюнул в дыру на месте нижнего зуба, обнажив остальные в щербатой улыбке. Дружеской вроде бы, но Лёле отчего-то холодно и жутко стало.

— Откудова такая в краях наших? Не припомню тя. Родственница чья?

— Ой, нет, — ответила Лёля, осторожно подходя ближе. Хоть и робела она, а с почтением поклонилась низко первому человеку в Яви, кто решился с ней заговорить. Не обидеть бы его, не ведая правил местных. — Я здесь проходом и никого в деревне вашей не знаю. Брата ищу своего.

— Разминулися? — Мужчина сплюнул ещё раз. — А энто у тя чё такое?

Его глаза алчно блеснули, скользнув по Лёле. Она опустила взгляд и заметила, что от глубокого поклона монетка Мокоши выскочила из-под её платья. Под солнцем Яви драгоценный металл блестел так завораживающе, что немудрено, как углядел его незнакомец.

— Простое украшение. Подарок от человека дорогого. — Лёля торопливо спрятала оберег, да только мужчина прищурился как-то странно, будто всё ещё видел перед собой блеск серебра.

— Смотрю на тя и думаю, что из господских ты — чистенькая такая, ладненькая. Давай провожу до брата твоего. Неча белоручке одной по деревне хаживать, да ещё и с головой непокрытой. Мало ли кто чё подумает, на волосы такие глядя. — Он провел по губам кончиком

языка, встал и обтёр ладони о покрытую пятнами серую рубаху. — Куда, говоришь, пошёл он, в поля?

— Я... Я не знаю. Я бы сама дошла... — отступила Лёля, путаясь в мыслях. Очень уж не хотелось ей с этим человеком наедине оставаться, но разве не заповедал Род, что людей, творения его, любить следует, какими бы ни были они? — К Перуну надобно мне... Ежели подсказали бы вы мне, где найти его...

— На Перуново капище идёшь, что ль? Так жрица ты? По деревням ходишь, обираешь дураков? — Мужчина насупил и взглянул на Лёлю из-под густых седых бровей. — Люди сейчас на капища последнее волокут, чтоб богов задобрить. Насобирали знатно, эвон узел какой. — Последнюю фразу Лёлин собеседник пробормотал вполголоса в редкую бородку. И хотя Лёля всё слышала, она понять не могла, что за капища такие, что за жрицы. Одно радовало: знал мужчина этот брата её Перуна, вопросов лишних не задавал. — Пошли тогда, жрица, я тебя к капищу кратким путём проведу, чрез лесок.

Мужчина простёр к Лёле руку, а она стояла и не могла пошевелиться. Только смотрела, как тянутся к ней заскорузлые пальцы, с распухшими суставами, царапинами незажившими. И подурнело Лёле, как представила она, что пальцы эти коснутся её могут. Была бы её воля, бежала бы она со всей прыти, да совесть останавливала. Разве так поступать Берегине должно? Разве не обидит её бегство человека, который помочь желает?

Она почти зажмурилась от отчаяния, от мук стыда и страха, сжала руки в кулаки, как вдруг резкий порыв ветра взметнул её волосы, обвил подол платья вокруг ног, в грудь ударил, отталкивая от калитки. Мужчина прикрыл глаза руками, и в тот же момент его окутала льняная светлая ткань. Большой то кусок ткани был, скатерть али простынь.

— Ох ты ж, Род Великий, что творится! — Следом за скатертью принёс ветер и женский крик. — Бельё-то моё, бельё улетает!

Мимо Лёли пронеслось по траве белое полотенце, и она, не задумываясь, кинулась за ним вслед. Не зря догонялки любимой Лёлиной игрой были, она с лёгкостью подхватила и сбежавшее полотенце, и ещё какие-то тряпочки. Перекинула через руку и остановилась, оглядываясь, не пропустила ли что ещё. Её снедало гложущее чувство. Словно, когда ветер подул, увидела она нечто необычное, что-то было не так, как раньше. Только вот понять что именно, Лёля не могла.

— Кто это, Фрол? Гостя твоя?

У калитки дома пугающего мужчины прислонилась к забору полная женщина, довольно молодая и краснощёкая от бега. К юбке её жался мальчик лет трёх, а в руках возвышался внушительный ворох белья, увенчанный той самой скатертью, прилетевшей из ниоткуда.

— Да брата дочь из Высокой Горки ко мне с посланием приехала. Ты давай, Звана, иди, куда шла...

Лёля подошла и с поклоном протянула Зване спасённое добро. Та приняла и зорким взглядом с ног до головы её изучила.

— Так ли из Высокой Горки? — нахмурилась Звана. — Нежна девица, белокожа, словно княжна, и воспитана не как деревенская, наши кланяться не стали бы. И на брата твоего походит, как голубица на ворона. Вы чьих будете? — обратилась она к Лёле.

— Я ищу кое-кого. — Лёля сразу почувствовала расположение к внимательной женщине с пронизательным взглядом. — А мужчина этот добрый проводить меня через лес вызвался.

— Через лес, значит. — Звана покачала головой и неожиданно плюнула Фролу под ноги: — Чтоб Чернобог тебя забрал, лихоимец! Ярой мой с поля вернётся, к тебе его направлю потолковать. Пойдёмте со мной, барыня, нечего абы с кем якшаться. У самой дочь растёт, а тут супостат этакий...

— Не заберёт меня Чернобог, ему такие не нужны. А коли заберёт, так пожалеет, — оскалился Фрол и развернулся к своей завалинке.

Сел и филином нахохлившимся на Звану уставился.

А Лёля загадками очередными маялась. При чём здесь муж Морены, Чернобог? За что Звана так на Фрола взъелась? И как ей теперь на то капище попасть, где Перун живёт? И тем не менее она охотно следовала за Званой, которой доверяла гораздо больше, чем шерботому Фролу.

— Как заворотили-то вы к нам? Вы ведь из богатых, — спросила Звана, развешивая на верёвках похищенное ветром бельё.

Странно, но теперь ей ничто не мешало. Ветер утих сразу же, как они отошли от дома Фрола.

— Я? Ну, наверное, да, из богатых, — согласилась Лёля. Она ведь и правда Сварожья дочка, из самого родовитого семейства Прави.

Не зная, что делать дальше, Лёля присела на край лавочки во дворе дома Званы и положила на колени свой узелок. Рядом крутился малыш, а из-за двери выглянула и тут же скрылась худенькая девочка лет пяти. Лёля достала припрятанное ещё в Прави яблоко и протянула мальчику. Он смущённо схватил угощение и посмотрел на мать.

— Румяное-то какое да большое, как из дома царского! — Звана всплеснула руками, кивнула малышу, а ребёнок, получив одобрение, расплылся в широкой улыбке и прижал яблоко к груди. — Иди в хату, с Настасьей поделись! Ох и осчастливили вы их, барыня! — Она перевела на Лёлю блестящие от радости глаза. — Давненько яблок сладких мы не видали, как неурожай пошёл, так одна кислятина родится.

Звана опустила на лавку рядом с Лёлей, поставила на колени корзинку с овощами и принялась чистить мелкую морковь, а Лёля с удивлением и лёгкой толикой брезгливости разглядывала её красные ладони и короткие пальцы с сероватыми мозолями там, где нож касался влажной кожи. Ни у кого в Прави таких рук она не встречала.

— Вы уж простите, я работой себя займу, а то дети ещё не кормлены, да и муж с жатвы скоро будет, — извинилась Звана, а затем серьёзно посмотрела на Лёлю: — Как оказались вы в деревне нашей, барыня? Платье чистое, обувь не пыльная. Не издалека пришли вы к нам. А больших городищ поблизости нет.

— Да, я совсем недолго в дороге была. Из леса вышла, потом через поле. — Лёля махнула рукой в сторону пшеничных полей, откуда забрела в деревню. — Мне Перун нужен, знаете, где найти я его могу? Мужчина тот сказал, что близко где-то дом его.

— Слушайте вы Фрола больше, — прошипела Звана, вернувшись к яростному сражению с морковью. — Бездельник, так ещё и совести у него нет. На любую подлость наживы ради пойдёт. Так, говорите, из леса вы? — В голосе Званы слышалось удивление. — На охоте, что ли, были? А что, то ж дело господское, не мне судить. Заплутали в лесу, поди, вот одни-одинёшеньки и остались?

— Ну... можно и так сказать, — протянула Лёля неуверенно. Подсознательно она чувствовала, не стоит каждому встречному знать, что дочь Сварога в Явь спустилась. Кто ведает, как род людской на такие признания отзываться станет. А ещё она внезапно поняла, что сил нет, как пить ей хочется. — Простите, пожалуйста, — Лёля стыдливо уставилась на свои колени, — а где здесь можно водицы раздобыть? У меня уже полдня как ни росинки во рту не было... Мне бы речку али колодец...

— Где ж гостеприимство моё? Позор какой! — Звана торопливо побросала в корзину нож, недочищенную морковь и быстро отряхнула руки от овощных очисток. — Извините меня, нерадивую, барыня, редко чрез деревню нашу особы знатные ходят, вот и растерялась я! Обождите минутку!

Звана швырнула на лавку корзину и побежала в дом, только ноги её в белых чулках из-под юбок замелькали. Лёля облизнула пересохшие губы и принялась разглядывать снующих по двору кур, хлопающее на лёгком ветру бельё. Из будки собачьей безразлично смотрел на неё

большой пёс. От корзины рядом почти незаметно пахло морковью и довольно ощутимо несло чем-то прелым со стороны огородов. Солнце, спускающееся всё ближе к горизонту, пригревало щёки, и чувство это, пожалуй, оказалось в Яви для Лёли самым приятным открытием.

Она закрыла глаза и запрокинула лицо, наслаждаясь солнечными лучами. Где-то далеко пропел петух. Как же было хорошо. Ей очень нравилось в Яви. Нравилось, что вокруг много новых цветов, много новых ощущений. И всё она запомнит, каждую мелочь. И никогда память эту батюшке не отдаст.

— Вот, чем богаты, уж не обессудьте!

Лёля открыла глаза. Перед ней стояла Звана с грубой деревянной чашкой в одной руке, а во второй она держала что-то серое, на вид незнакомое, на запах тоже.

Заметив вопросительный Лёлин взгляд, Звана окрасилась румянцем:

— Вы, госпожа, к хлебу такому не привыкли, да пшеничного нет... Что земля уродила, из того и печём...

Ой, так то хлеб? Лёля почувствовала, что и от еды не отказалась бы. Ну-ка, каков на вкус хлеб явьский? Такой же, каким нянюшка их в Прави потчевала?

— Очень вкусно, благодарю, — едва смогла вымолвить Лёля, пытаясь проглотить кусок теста с твёрдыми, плохо перемолотыми зёрнами.

Хлебный комочек катался на языке да всё отказывался пролезать в горло. Род Всемогуший, отчего же люди в Яви хлеб себе такой кисло-горький пекут? В Прави и поросята на него не позарились бы.

— Ох, не обманывайте меня, вижу ведь, что не по нраву вам, — опечалилась Звана, снова возвращаясь к своим овощам. — Да только нет ничего другого. Как холода пришли, так пшеницы хорошей не рождалось. Каждое зерно на вес золота стало, вот и приходится мешать то рожь, то ячмень. Даже ребятишкам на калач горсточку муки белой не собрать.

Неужто про это и говорила Мокошь, когда предупреждала Лёлю, что непорядки в Яви происходят? Голодает ли народ явьский? Лёля с интересом посмотрела на Звану, которая от расстройства совсем раскручинилась, а нож в руках её мелькал, как крылья птички перелётной.

— Я с собой в путь хлеб ваш возьму, коли позволите, — попросила Лёля, убирая пахнущий укусом кусок в свой узелок. — А это вам. За доброту вашу, за отзывчивость.

Со словами этими Лёля подала Зване пирог с курицей, завернутый в вышитую салфетку. Рука ощутимо дрогнула, когда она вспомнила, что пирог Негомила готовила, а Нянюшка вышивала салфетку. Точно часть дома своего она здесь оставляла, но не жалела. Пусть благословят вещи из Прави жилище Званы, мужа её и детей.

— Да вы царевна, не меньше! Храни вас Лада Великая, барыня! Запах-то, запах какой...

Пока Звана с пылающими щеками рассыпалась в благодарностях, Лёля, наоборот, почувствовала, что говорить разучилась. Завязывая узелок, она увидела своё отражение в зеркале. И там была не она.

Лёля выхватила зеркальце и неверяще вперила в него взглядом. Почему у неё волосы совсем на её не похожи?! Что за цвет такой, точно нить клубка Мокоши, цвет, из крови и солнца смешанный?! Вот что увидела она тогда, когда ветер ей прядь собственных волос в лицо бросил, да только не сразу поняла. И глаза! Тёмными глаза её стали, глубокими, с золотыми крапинками. Быть не может того! Неужто Явь и её цветом иным раскрасила? Что за чудеса!

— Любуется собой, барыня? — хитро подмигнула ей Звана. — Так то поговорка только: «Рыжий да красный — человек опасный», а благодаря вам такой пир у нас сегодня будет, какого давно не было!

Лёля сидела под деревом и снова разглядывала своё отражение. Как ни странно, оно, сначала непривычное, теперь ей даже нравилось. А особенно ладно лежали по обеим сторонам

головы толстые косы, в которые Звана волосы её убрала. И наконец узнала Лёля имя цвета того, каким нить судьбы её была, каким кровь на платке Догоды, — красный.

Из гостеприимного дома Званы ушла Лёля лишь утром. Не отпустила её добрая хозяйка, упросила переночевать в избе, лучшую кровать выделила. Вдоволь наигралась Лёля вечером с детьми Званиными, а утром с аппетитом позавтракала простой кашей на воде. И хлеб серый ей уже показался не таким кислым, особенно когда Звана ей, как сыну и дочери, щедро мёдом его полила.

Была бы Лёлина воля, она бы из хаты Званы и семьи её не уходила, привыкая к жизни в Яви. Но надо было клятву сдержать, Догоду найти и понять, отчего холодом Явь облеклась. Как узнала Лёля из разговоров с Яроем, мужем Званы, лет пять, как с каждым годом холоднее и холоднее в Яви становится. Неурядицы с засухи и пожаров начались — леса, поля горели, а потом тепло ушло будто. С тех пор урожай уменьшается, живность в лесах пропадает. До голода ещё не дошло, но уж видно, недалече.

Там же, прислонившись спиной к широкому стволу, Лёля перекусила, задумчиво отщипывая кусочки хлеба и кроша на колени мягкий козий сыр. Крошками, оставшимися от еды, она поделилась с воробьями, забавно перелетающими с ветки на ветку, а ближе к ней подойти опасавшимися. Сновали они среди листвы кустарника, и изредка тот, кто смелости набирался, подпрыгивал к кучке крошек, выхватывал одну да к товарищам своим возвращался.

До Перунова капища (Лёля всё ещё понятия не имела, что слово «капище» значит) по обещаниям Званы было не больше полдня пути. Коли сразу после завтрака деревню она покинула, так ближе к ужину должна уже до братца дойти. Главное — не сворачивать с дорожки, что вдоль озера вьётся, потом соседнюю деревню обогнуть, а за деревней до того самого капища уже рукой подать.

Ярило-солнце ровнёхонько над головой Лёлиной стоял, когда поднялась она, юбку поправила, нашла на груди и сжала на удачу монетку с дырочкой в середине, узелок свой повязала и дальше по тропе пошла.

Блескучее солнце отсвечивало от вод широкого озера, глаза слепило так, что невольные слёзы повисали у Лёли на ресницах. И всё равно красиво здесь было, и не нашла бы она слов, чтобы описать кому, что чувствовала. Твердь небесная отражалась в глади озера, и казалось, будто глубины там и нет вовсе. Будто всё это озеро вдоль и поперёк исходить можно, ноги не замочив. А в Прави озерцо небольшое, что у дома Лёлиного, выглядело бездной тёмной, колодцем, где отражения звёзд хранились. Часто Лёля Правь вспоминала, да не скучала пока. Очень уж Явь ей полюбилась, за каждым поворотом дорожки находила она, чему удивиться.

Удивляло её, что люд встреченный склонялся в вежливых поклонах, приветствовал её и стар и млад. И Лёля тем же отвечала — улыбкой сердечной и пожеланием доброго дня. С интересом наблюдала она, как на горизонте мальчишка-пастух коров в стадо сгонял, хлеща их тонкой хворостиной. Как-то дорогу ей перешла стая гусей да с весёлым гоготанием к озеру спустилась. Испугалась Лёля, что погонится за ней гусь особо строптивый, да только, видно, в водиче им понежиться приятнее было, чем девиц перепуганных щипать.

Так и шла она, пока не вступила в тенистую рощицу. По левую руку воды озера лёгкими волнами расходились, теряясь в камышах, по правую — возвышались берёзы да осины. И вдруг Лёля заметила среди камышей, недалеко от берега, какое-то шевеление. Она сделала ещё десяток шагов, не сумев побороть любопытство. А что, если выдра там затаилась или уток семейство?

— Сестрёнка милая, не поможешь ли мне?

Мелодичный и нежный голос, точно трель птички певчей, пролетел над водой. Камыши закачались под налетевшим ветром, угрожающе взвывшем в спокойном воздухе, и Лёля смогла лучше рассмотреть ту, кто звала её.

По колено в воде стояла девушка. Чуть старше Лёли, всего на пару годков. Светлокожая настолько, что губы цвета крови выделялись на лице ярким пятном. Глаза, слегка раскосые, зелёные, колдовские, смотрели уверенно и благожелательно. Зубки, точно ровные жемчужинки, обнажились искренней улыбкой. Платье её, длинное, зелёное, в воду уходило, и, должно быть, от ткани платья и волосы чёрные зеленцой отдавали.

— Меня Ульяной звать. А тебя как, сестрица? — Девушка склонила голову набок, будто с интересом ожидая ответ.

— Лёля я. — Лёля подошла ближе.

Ей нравилась эта Ульяна, красивая и приветливая, похожая на подруг из Прави. Только глаза раскосые портили её немного, придавая сходство с хитрой лисицей.

— Сможешь подсобить мне? Сама не справляюсь. Ноги в озере помочить зашла, платьем за корягу зацепилась, и с места теперь не сдвинуться. С полудня здесь стою, а ты первая, кто по тропке прошёл. — Ульяна очаровательно улыбнулась и подёргала подол, который на самом деле выглядел так, будто что-то держало его под водой.

— Да, конечно, я сейчас!

Лёля быстро положила на траву свой узелок с провизией, собранной Званой, скинула туфельки и босой подошла к кромке воды. Она замерла, понимая, что в тени густых камышей не видит песчаного дна, только илистую темноту.

— Не бойся, здесь мелко, — успокоила её Ульяна. — Иди сюда, я руку тебе подам.

Ульяна и правда протянула Лёле маленькую узкую ладошку. Выдохнув, Лёля подняла юбку и шагнула в воду. Пальцы ног погрузились в песок, водоросли противно обвили щиколотки. И, как назло, ветер поднялся, обдувая её влажные икры.

— Холодно, — пожаловалась Лёля, привыкая к тому, как стынут голые ступни.

— Вода всем сначала холодной кажется, ты не знала? — Ульяна мягко рассмеялась. Лёля вцепилась в её ладонь, оказавшуюся очень нежной и приятной на ощупь. Сильная рука хрупкой Ульяны поддержала её, и Лёля уже с меньшей боязнью сделала ещё один шаг. — А потом водица тебя греть начинает, ты уже выходить из неё не хочешь. Али не купалась с ребятами в детстве? — продолжала Ульяна, и речь её переливистая звучала, точно звук говорливого ручья.

— Я... Я не помню, — не стала таиться Лёля, выискивая взглядом, куда ставить ногу.

Но результата не было, озеро, казалось, становилось только темнее. И почему она никак не достигнет Ульяны, ведь до той не более пары шагов?

— Зря, сестрица, зря. — Ульяна потянула Лёлю, помогая ей не сбиться с пути, и Лёля с благодарностью последовала за черноволосой красавицей. — В водице всё легче становится, груз земли уже не так давит. Ты будто бы летаешь, паришь туда, куда душа желает. Ты хотела бы летать научиться, Лёля?

— Летать? В Яви и летать можно? — Лёля с удивлением подняла голову и встретила взглядом с зелёными глазами. Такими прекрасными глазами, точно драгоценные камни маменькины. Конечно же в Яви можно летать! Как не верить тому, кто мать родную напоминает?

Лёля отпустила платье, когда Ульяна протянула ей вторую руку. Так идти к новой подруге стало гораздо удобнее. Юбка только мешалась, путалась у колен, но когда вода Лёле до пояса дошла, длинный подол она усмирила. Лёля брела сквозь толщу воды, и ей казалось, она на самом деле сейчас полетит. Так мягко покачивали её волны, как бережно, с волнами в такт, вела за собой Ульяна...

— А ещё, Лёля, хочешь замуж выйти? За самого Водяного? Я как тебя увидела, сразу поняла, что полюбит он красу твою редкую. Ты солнцем поцелованная, работы чёрной не знавшая. Королевишна истинная. Будут тебе сотни слуг прислуживать, все жемчуга морей к ногам твоим положат, платья лучшие — всё тебе. Какие платья любишь, душа моя?

— Белые... А жемчугов у меня не было никогда, — с трудом смогла произнести Лёля.

Вода давила на грудь, дышать становилось тяжело, но нужно было идти вперёд. Нужно помочь... помочь Ульяне...

— Белое... Наденешь белое платье на свадьбу свою, шейку бусами жемчужными обвяжешь, не будет невесты тебя краше. — Лёле показалось, или улыбка Ульяны будто бы грустнее стала? Наверное, это оттого, что она никак дойти до неё не может, устала Ульяна ждать. — Прости меня, Лёлюшка!

Ульяна неожиданно обхватила голову Лёли, прижала к груди и резко опустилась под воду. Лёля ощутила, что дна под ногами больше не было. Она дёрнулась раз, другой, но крепко держала её похитительница. Плавать Лёля не умела, потому забилась в чужих руках, заизвивалась. Грудь разрывало, платье саваном её обвило, и поняла Лёля, что не вырваться ей. Узнает ли Догода, что была она в Яви, уразумеет ли, что его искала? Хоть бы разгадал, хоть бы смекнул, что прощения она приходила испросить! Да только не дошла...

И показалось вдруг Лёле, что затылок болью взорвался. Кто-то грубо потянул её за косы, да с такой силой, что оторвал от Ульяны. Секунда — и Лёля снова смогла дышать, а с волос на ресницы сбегали потоки воды, не давая оглядеться. Вторая — и что-то на берег её выбросило. От неожиданности Лёля глаза распахнула и сквозь резь от воды, попавшей на лицо, увидела рядом разметавшиеся чёрные волосы и зелёное платье. А над ними обеими, солнца супротив, возвышалась фигура тёмная, высокая, и яростью от неё веяло за версту.

Глава 6

— Ты кто ещё такой, лиходеи?! — взвизгнула Ульяна, точно перепуганная кошка. Лёля даже заметить не успела, как черноволосая девушка метнулась к ней и собой от незнакомца заслонила. — Беги, Лёлюшка, беги! Я за себя постоять сумею!

— Прочь пошла, тварь поганая!

Парень взмахнул рукой, и мощный порыв ветра отшвырнул Ульяну, да так сильно, что она ударилась о дерево и замолкла. Лёля попыталась отползти, но мокрые ноги скользили, путали

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.